

ВСЕМИРНЫЕ

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

газета политическая, литературная, научная, общественная и коммерческая.

Въ мѣстѣ "Унионъ"
Анонсъ. состоится ТОЛЬКО
ВЪ ЗАЛѢ НОВОЙ БИРЖИ
Въ утѣху, домыслъ & страсть

Содержитъ для Коммерческаго Размѣщенія
Концертъ **Маріи Ивановны Долиной** известной артистки, всеневѣдомой

ГАЗЕТА ВСЕМИРНОГО КЛУБА
ОДЕССИТОВ

№ 4 (86).

Ноябрь. 2013 год.

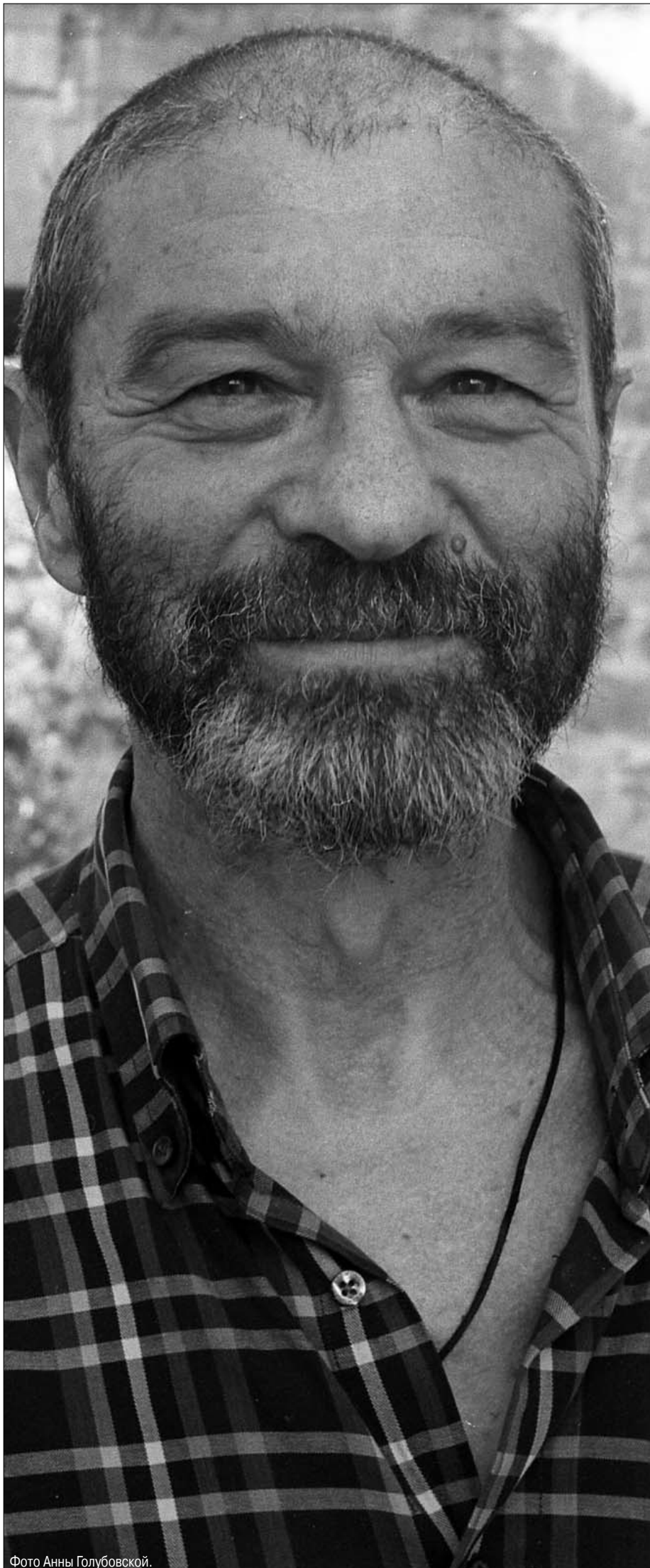

Фото Анны Голубовской.

Олег ГУБАРЬ 60 моих наизиданий

1. Делай то, что тебе хочется, к чему лежит душа, и не мешай другим делать то, что хочется им.
2. Старайся, чтобы это твое дело, по крайней мере, никому не вредило.
3. Делай свое (любое) дело хорошо, но не превращайся в патологического перфекциониста.
4. Не страшись замахнуться: Пушкину и Эйнштейну ты не конкурент, да и они тебе тоже.
5. Ищи там, где светло.
6. Не иди туда, куда тебя не зовут. Но брать всё, что тебе дают, без разбору, себе дороже.
7. Имей дело с теми, с кем действуют некие принципы взаимоотношений по умолчанию.
8. Друзья бывают двух разновидностей: одних выбираешь ты, другие выбирают тебя. Попытайся быть таким, чтобы, по крайней мере, вторые не пожалели о своем выборе.
9. Заведи врагов: они — хороший стимул.
10. Если ты собираешься жить в веках, мне с тобой не по пути.
11. Работай не только на себя, но еще на друзей и таланты, ибо сколько себя ни реализуй, там еще останется. Исчерпаемы только конченные.
12. Относись к окружающему как к неизбежности.
13. Если достойная женщина хочет от тебя ребенка, сделай, не морочь себя опасениями. Всё будет хорошо.
14. Выбирай для своих детей хороших матерей.
15. Быть ослом с ослами вполне естественно: не раздражайся.
16. Не превращайся в хроническую обиду: вспомни о больных, увечных, склеротиках, идиотах и телеведущих.
17. Помни, что дурак полезен в сравнении, но не в пищу.
18. Верь в приметы и знамения, причем только хорошие, добрые: они означают Присутствие. Вера в дурные приметы множит зло.
19. Не пинай мухомор.
20. Смерти не бойся, она — дело житейское: придет — и не заметишь.
21. Если тебе не по нраву эстетика похорон, пропади без вести. Пусть ждут.
22. Если ты умер, то это надолго.
23. Помни, что трезвость — это еще не признак ума, а мудрость — всего лишь ощущение.
24. "Не верь, не бойся, не проси" означает: будь реалистом, будь реалистом, будь реалистом.
25. Проникнись обаянием теории Федорова о воскресении отцов и обрети жизнь вечную.
26. Командуй, не отдавай приказаний долго жить.
27. Если перейдешь на регулярные рифмы в повседневности, то и получится проза жизни.
28. Успей простить, да не забудь себя.
29. Успей побыть самим собой.
30. За всё плати, но не расплачивайся.
31. Помни, что в расход не только вводят, но и выводят.
32. Из всех зол выбирай самое надутое, лоснящееся: лопнет.
33. Если тебе нечего делать, значит, ты умер.
34. Имей в виду, что мировое зло во всех своих проявлениях произрастает из честолюбия.
35. Не бывает несчастливых чисел, все они счастливы, потому что самодостаточны.
36. Деньги — прежде всего предмет материальной культуры, люби их эстетически.
37. Худшая из катастроф — это паника.
38. Пусть говорят. На все наветы отвечай своей добросовестной творческой работой, не трать времени на полемику с бездарными бездейтельными завистниками.
39. Не будь предсказуемым, но и не превращай оригинальность в самоцель.
40. Не каждый из тех, кому ты задолжал, догадывается об этом. Но ты помни.
41. Жалость — это самое человеческое.
42. Дети должны находиться в поле зрения (фигурально), но с совершенно развязанными руками (фактически). Желательно хранить для них записку "за корочкой партбилета".
43. Все твои дети должны быть знакомы. Если тебе нечего им оставить, оставь им друг друга.
44. Не шути с огнем, водой и медными трубами: они лишены чувства юмора.
45. Люби собак, кошек, людей и лошадей, но людей больше.
46. Последний тест. Вообрази, что умираешь. Теперь подумай, в чьей ладони ты предпочел бы в этот момент видеть свою. Выбери. Может, что-то тебе откроется.
47. "Имаго мунди" — это твои личные впечатления от личных ощущений и опосредованная информация. Оставь только личное, будь художником.
48. Люби ушами: это не связано с половыми признаками. Молчание — тоже способ общения.
49. Помни, что женщины любят экстремалов.
50. Я большой сторонник формулы: лучше с умным потерять, чем с дураком найти.
51. Зло не стареет, не лысеет — отрастает, как волосы. А ты все равно таскай его за косы.
52. Если не работает категорически, брось; что не получается в плохой час, в хороший сделаешь вдвое, втрое.
53. Будь мелочным в хорошем смысле: если подумаешь о значимых для тебя ушедших людях, вспомнишь не их большие дела, а связанные с ними очаровательные мелочи.
54. Не бойся умереть под забором: это далеко не самое худшее место.
55. На мой взгляд, мечта (в особенности одна и большая) — штука очень коварная: она лишает тебя каждого СЕГОДНЯ.
56. Если видишь вывеску "У Харона", не пугайся: это вполне может быть ресторанчик у паромной переправы.
57. Прерогатива — это предчувствие рогов или право на их ношение.
58. С возрастом складываются два типа отношения к себе: а) всё более серьезное, б) всё более ироническое. Я сторонник второго подхода.
59. Если абсолютно счастливым может быть только полный идиот, то это я.
60. Юбилей — одна из самых условных условностей. Потому что время измеряется не десятилетиями, а чашками кофе, бутылками, дождями, болезнями, встречами, ожиданиями, содроганиями, затяжными прыжками, молитвами, песнями...

Редакция газеты "Всемирные одесские новости"
и Всемирный клуб одесситов поздравляют
Олега Иосифовича Губаря с первым 60-летием!

Уважаемый Леонид!

Мои родственники уехали из Одессы в США в 1987 г. (как только, так сразу).

Где они поселились, мы не знаем. Нам только стало известно, что глава семьи Лазарь Флишштейн (1923 г. р.) вскоре умер. Мы очень хотели бы восстановить контакт с его дочерью. Не подскажете ли вы, существуют ли какие-то "одесские" сайты, где можно было бы поместить объявление о розыске родных?

С уважением и с надеждой —

Мила Гальфельд.

...ой, спасибо вам за добрый совет и за резко мгновенный ответ!

С благодарностью —

Мила.

Добрый день, Леонид и Игорь!

Только что посмотрела ролик, я потрясена;

работа, которую вы проводите, выше всяких похвал;

на иврите это называется "мицва"; по-английски — "God bless you".

Удачи вам, ребята.

Спасибо от всех тех, кому вы помогаете.

С уважением и восхищением —

Лилия Liliya Zingertal

Ленечка дорогой,

у меня не получилось зайти в Клуб, и я уехала, даже не попрощавшись с Вами, простите меня, бессовестную.

Я посмотрела статью о маме на диске, и мне очень всё понравилось. Я глубоко благодарна Вам и Вашим сотрудникам, которые осуществили этот замечательный проект, и особенно — за память о маме.

Мариса Дереш (Телницкая).

Уважаемый Леонид, здравствуйте!

Высылаю фотографии. Очень рада знакомству с Вами.

С огромным интересом и громадным удовольствием изучаю электронный биографический справочник "Они оставили след в истории Одессы". Спасибо за этот замечательный и прекрасный проект!

Если возможно, отложите для меня книгу Кинга — постараюсь забрать её в Клубе в ближайшие дни.

Спасибо.

С уважением и признательностью — профессор кафедры философии,

декан историко-философского факультета ЮНЛУ имени К.Д. Ушинского

Елена Лисенко.

Добрый день! Я пишу Вам из России,

г. Курган, меня зовут Оксана Костюченко, мне 24 года. На сайт Вашего клуба я наткнулась совершенно случайно в поисках интересной информации об Одессе, и он сразу привлек мое внимание своими увлекательными материалами об этом прекрасном городе.

В Одессу я, если можно так сказать, влюбилась с первого взгляда, хотя я ни разу там не была, но я горжусь, что этот город находится на Родине моих предков — в Украине. Чем и объясняется происхождение моей фамилии, поэтому я смело называю себя русской украинкой, а мечта — посетить Одессу — вдохновила меня на пару стихотворений о ней (пишу с 13 лет), чем я бы и хотела поделиться с Вашим клубом. Конечно, я знаю об этом городе очень мало, и мое мнение о нем в большей степени складывалось по книгам И. Ильфа и Е. Петрова, и фильмам, снятым по мотивам их же книг, и вышедшему на экраны в России совсем недавно сериалу "Жизнь и приключения Мишки Япончика". На Вашем сайте я узнала о существовании альманаха "Дерибасовская — Рингеловская", рискну спросить: возможно ли как-то попасть на страницы этого издания? Для меня это было бы счастьем.

Шлю привет всей Одессе и мое скромное стихотворение. Спасибо за внимание.

С уважением — русская украинка, влюбленная в Одессу,

Оксана Костюченко,

г. Курган, Россия.

Добрый день, Леонид, Игорь, Ася Семеновна!

Сегодня 4 сентября 2013 года, время 19:45. За окном сумерки. Почти ночь. В это время в 1942 году наши ребята, наверное, готовились к боевому вылету. Все были живы... И взлетели... в вечность, в бессмертие!!! Мы сейчас с женой помним ребят наших. Пусть память обо всех, отдавших свои жизни за нашу Родину, будет жить в веках!!! Мы вас помним!!! Вы с нами!!!

уже (или еще?) 4 года существует Ванкуверский клуб! Как бы хотелось побыть на Дне открытых дверей! Наверно, будет хорошая программа. Напиши. Расскажи.

От меня и от членов Ван К.О. поздравляю тебя, Ленья, Аркадия, весь президентский совет и уважаемого ММЖ с ДНЕМ нашего любимого города! Пусть процветает наш город, будут счастливы в нем его жители и пусть никогда у них не появится желание уехать, а нам — захочется вернуться...

Обнимаю — Ваша Таня Стафеева.

Здравствуй, уважаемый Леонид!

Участниками "Вахты Памяти" на 2-м кордоне Мекензиевского лесничества найдено захоронение защитников Севастополя.

Военно-поисковым отрядом "Дол", участниками данной "Вахты Памяти", подняты останки бойца времен ВОВ со смертным медальоном.

Удалось прочесть имя погибшего. Он оказался КИВИЛЕВИЧ ИЛЬЯ ХАИМОВИЧ 1923 г. р., уроженец г. Одесса.

В записке из медальона указан его адрес: г. Одесса, ул. Масоводовская, 17/25 (или 17/28, или 17/29, эти цифры плохо сохранились).

На сайте ОБД "Мемориал" нам удалось найти личную карточку бойца с информацией из ЦВМА МО РФ (Центрального военно-морского архива Мин-ва обороны РФ).

Пропал без вести 3.07.1942 г.

Его имя увековечено в Книге Памяти Севастополя т. 3, стр. 94.

Поиск его родных в Одессе нашими помощниками не увенчался успехом.

Леонид, простите, что не знаю вашего отчества, помогите, пожалуйста, найти родных погибшего бойца Кивилевича Ильи Хаимовича 1923 г. р., которому было всего 19 лет на момент гибели. Мы хотим найти родных бойца, чтобы сообщить им о судьбе близкого человека и пригласить на церемонию перезахоронения останков.

Уважаемый Леонид! Ваше сообщение мною получено.

Ваши два расследования, проведенные Всемирным клубом одесситов, я посмотрела в тот же день, что мы с вами говорили по телефону.

Я просто потрясена проделанной вами работой! Это невероятно!

С уважением — **Елена Жилинская.**

Общероссийская общественная организация по увековечению памяти погибших при защите Отечества "Поиск".

Дорогие друзья-одесситы!

Поздравляем всех с днем рождения нашего дорогого города — города детства, города нашей юности и молодости!

Пусть жизнь раздросала нас по всему миру — от Австралии до Канады, но мы никогда не должны забывать наш город, который дал нам путевку в жизнь. Пусть были какие-то обиды, неприятности, но виноваты в этом не сам город, а строй, при котором мы жили. Мы должны забыть все обиды и пожелать любимой Одессе и одесситам долгих лет счастливой жизни и процветания!

Arkadiy Gulko.

Здравствуй, Леонид, Игорь, Ася Семеновна!

Сегодня 4 сентября 2013 года, время 19:45. За окном сумерки. Почти ночь. В это время в 1942 году наши ребята, наверное, готовились к боевому вылету. Все были живы... И взлетели... в вечность, в бессмертие!!! Мы сейчас с женой помним ребят наших. Пусть память обо всех, отдавших свои жизни за нашу Родину, будет жить в веках!!! Мы вас помним!!! Вы с нами!!!

С уважением —

семья Захрацких. Московская обл., Москва.

Дорогой Леонид Менделевич!

Я вчера получил книжки — наконец-то осуществился мой замысел! Хочу поблагодарить Вас за содействие и помощь. Приятно было иметь с Вами дело. Наде-

юсь как-нибудь приехать в Одессу и поближе познакомиться с Вашим клубом и с Вами лично. Всего Вам доброго и успехов в вашей деятельности!

С уважением и благодарностью —

Владимир Ральварочный.

Доброе время суток, Леонид!

Не могу промолчать о трагическом событии. В каталоге Вашей библиотеки имеется книга моего хорошего друга и соученика по Одесскому станкостроительному техникуму (1962 — 1966 г.г.).

У меня имеются и другие его рассказы. В марте 2012 года я был в Израиле, и мы встретились с Эдиком в его квартире в Хайфе.

Не стану рассказывать, какой теплой и радостной была эта встреча. Прошло много лет с того дня, как мы виделись с ним и другими нашими одноклассниками в Одессе. Это было в далеком 1990-м.

И вот из Хайфы пришла страшная весть. Эдуард сражен тяжелейшим инсультом. Это случилось 21 июля. Он парализован. Отнялась речь. Усилия врачей не дают результата.

Но Эдик жил один и был, как мне кажется, страшно одинок. В нашем последнем с ним разговоре по "Скype" в начале июля, я спросил его, над чем он сейчас работает. Ответ был кратким и безутешным: "Не пишется, Валерка"...

Мысли о моем друге не покидают меня ни на минуту. И, движимый именно этими чувствами, я решил поделиться своим горем. С кем же еще делиться, как не с родными одесситами?

Буду признателен Вам за ответ.

Искренне Ваш — бывший одессит (хотя бывших одесситов не бывает)

Валерий Григорьевич Тамбарин.

Леонид,

я хотел еще раз поблагодарить Вас, что нашли время встретиться со мной в Одессе во время моего визита в августе. Я также благодарен вам за визит в Еврейский музей с Анной Мисюк. Спасибо за большую работу в сохранении еврейской истории и традиции Одессы.

С наилучшими пожеланиями —

Леонид Эрлих.

Уважаемый Леонид!

Я сообщу всем друзьям и родственникам Кили, живущим на всей планете, о том, что Всемирный клуб одесситов создал энциклопедию о людях, оставивших след в истории Одессы, в которой добавился материал о Кили Литваке. Надеюсь, желающих приобрести память о Кили и об Одессе будет много. Спасибо Вам за сотрудничество. Мой поклон всем, принимавшим участие в этом благородном деле.

С уважением и признательностью —

Анна Литвак.

Дорогой Леонид!

С превеликим удовольствием и благодарностью сообщаю: книжку КИРСАНОВА, посланную ВА-М, получил! Ура! Книжка превосходная, займет почетное место в династической библиотеке!

Извините за задержку — долго ждал, долго шла — вынужден был уехать во Францию, дела...

Сообщаю: забвения вышло вам в подарок и свою "Студию"! Сообщите, когда придет! И еще одно. Я решил переждать в одесские музеи свои работы. Для этого, возможно, еще осенью я собираюсь на несколько дней побывать в Одессе. Может, и свидимся! Привезу что-то из своих книг.

Удачи вам.

Anatol Brusilovsky.

Добрый день, Леонид!

Вас беспокоит журналист телеканала "Интер". Меня зовут Ася Рычкова. Я занимаюсь подготовкой программы, посвященной теме папараци. Как раз на портале Клуба выдающихся одесситов нашла интервью Вашего земляка Михаила Трыбка. Не могли бы Вы подсказать, как мне его разыскать?

Заранее спасибо!

С уважением —

Ася Рычкова.

Леонид, хочу предложить вам сотрудничество в деле поиска родственников погибших одесситов в годы ВОВ.

Если вы согласны, то есть еще имена поднятых останков бойцов. Ищем родных.

Волонтер Общероссийской общественной организации по увековечению памяти о погибших при защите Отечества "Поиск".

Сотрудничаю и помогаю поисковым отрядам и объединениям, поднимающим останки погибших воинов ВОВ, разыскивать их родственников.

Моими коллегами в трофейном фонде РТВА найдены док-ты периода ВОВ: журналы учета больных и раненых медицинского лазарета, лагеря советских военнопленных в г. Рославль.

Посылаю вам информацию по лейтенанту Арзутинскому Валентину Константиновичу 1919 г. р., погибшему в г. Рославль, в лагере для военнопленных.

Последнее место службы — топовычислительный взвод 320-го артиллерийского полка.

Арзутинский В.К. умер от ран 24 января 1942 г. в лазарете лагеря (ранение в плечо).

По документам ЦАМО (Центрального архива Мин-ва обороны РФ) боец числится пропавшим без вести.

В журнале умерших от ран бойцов указан адрес Арзутинского В.К.: Одесса, ул. Пастера.

Елена Жилинская.

Уважаемый Леонид!

Хочется еще раз поблагодарить Вас за присланные книги Ю. Михайлика.

Очень жаль, что сочинения одного из выдающихся ныне живых поэтов распространяются только доброй волей хороших людей и их нет в магазинах.

С уважением —

Андрей Башкарев, Санкт-Петербург.

Леонид, добрый вечер.

Я обращаюсь к Вам с очень необычной просьбой. Три года назад, когда мы (я и мои дизайнеры-графики) издали восхитительный (по мнению всех, кто держал его в руках) папиный альбом "Одесса моих юных лет", мне очень-очень захотелось выпустить альбом с печатью самого высокого уровня примерно 50 художественных репродукций папиных виртуозных рисунков на специальной бумаге, почти без текста, только с краткой биографией.

Прошло три года, желание никуда не делось, а средств не хватает. Это очень дорогое издание.

Может, Вы бы согласились мне помочь, поискать покупателей — бывших или сегодняшних относительно состоятельных одесситов. Чтобы они выдрили всего 10 рисунков из этих 20-ти и приобрели каждый по 2000 долларов, и тогда моя мечта будет реализована всем нам на радость. Вы бы и Е. Толубовский, если бы приняли участие в этой затее, получили бы альбом бесплатно, а все 20 рисунков были бы репродуцированы.

Спасибо за любую Вашу реакцию.

Всего хорошего.

Вика Ладыженская.

Добрый день, уважаемые господа и земляки!

Еще раз благодарю за приятную встречу, от которой остались незабываемые впечатления и интересные материалы.

Идея создания филмала Всемирного клуба одесситов в Алма-Ате (по-новому — Алматы) встретила большой интерес у моих друзей.

Попробуем ее реализовать.

Есть просьба — не могли бы вы инициировать в мэрии города создание письма, вероятно, от отдела зарубежных связей, в мэрию Алматы (по-местному — акимат) с просьбой поддержать нашу инициативу и рассмотреть вопрос о выделении какого-нибудь мало-мальски подходящего помещения или комнаты для организации работы филмала?

С уважением —

ваш Виктор Гончаренко.

ВАНКУВЕРСКИЙ КЛУБ ОДЕССИТОВ

Ленечка, добрый день! 18 сентября —

Вадим ШЕРСТОБИТОВ

Эдит Утесова

"Не надо детям повторять своих родителей. Люди безжалостно судят детей удачливых отцов".

Л.О. Утесов.

Наверно, нет сегодня человека, не знающего Леонида Осиповича Утесова. На музыке и песнях этого патриарха советской эстрады выросло не одно поколение. Говорят, природа отдыхает на детях, и это так, но только не в семье Вайсбейнов. Я имею в виду артистку, прожившую с ним рядом всю свою жизнь и носившую ту же фамилию — Эдит Утесову, его дочь, которой 21 марта будущего года исполнится 100 лет. Ныне она незаслуженно забыта, хотя своим талантом, красотой, своей судьбой вполне заслуживает того, чтобы знали и помнили. Долгие годы она выступала вместе с Утесовым в его оркестре, пела с ним дуэтом и соло...

С матерью Эдит, актрисой Еленой Ленской, Утесов познакомился во время работы в запорожском театре. Шёл дождь, а она только приехала и искала квартиру, он предложил девушке переждать непогоду у него, а затем вместе пойти на поиски. Как он позже шутил, этот дождь так и не прекратился целых 49 лет. Когда родилась Дита, Утесову было 19. Это был 1914-й год. Мало кто знает, что Эдит вообще не ходила в школу, а образование получила дома с помощью гувернантки, с которой по заведенному правилу общалась только на иностранных языках. И только лишь в выходные дни разговаривала по-русски. Она свободно владела английским, немецким и французским языками, легко читая западных классиков в подлиннике.

Несмотря на то, что она, можно сказать, выросла за театральными кулисами (она родилась в период бесконечных скитаний ее родителей от театра к театру), быть артисткой эстрады не собиралась. Она училась пению, игре на фортепиано и одновременно посещала драматическую студию Рубена Симонова (училась вместе с А. Райкиным, А. Менакером — отцом А. Миронова). В этом ее всячески поддерживал отец, мечтавший увидеть свое чадо на драматической сцене. Однако и этого Эдит было мало — она поступила в хореографическое училище имени Вагановой, закончить учебу в котором так и не удалось из-за излишней полноты.

После окончания студии ожидаемого приглашения в Театр имени Евг. Вахтангова она не получила. Так дала трещину ее главный мечта. И в этот момент Леонид Осипович, очень переживавший за судьбу единственной дочери, предложил ей пробу сил в своем оркестре. Она с радостью согласилась и постепенно увлеклась эстрадой. В конце 1933 года Эдит впервые выступила вместе с Леонидом Утесовым. В 1936 году Эдит начала выступать с оркестром и сыграла главную роль в антирасистском музыкальном спектакле "Темное пятно" на музыку И. Дунаевского (спектакль был навеян событиями в гитлеровской Германии). В оркестре Эдит сразу стала одним из самых активных участников коллектива, не только актрисой и певицей, но и помощником, советчиком и критиком отца. Знание трёх ведущих европейских языков помогало озвучивать на русском интересные зарубежные песни. Сочиняла она и собственные стихи, некоторые из которых стали песнями.

Можно назвать много песен, успешно исполнивших Эдит Утесовой ("Пожарный", "Песня о неизвестном любимом", "Бомбардировщики", "Парень кудрявый") — это лишь несколько песен из её репертуара), и в каждой из песен ярко светилось лирическое начало, удивление и потрясение девушки от нахлынувшего чувства любви. И совсем без преувеличения можно считать ее манеру исполнения даже образцом высокого эстрадно-исполнительского мастерства.

Особенно хорошо получались у Диты песни в дуэте с Утесовым. Помните весёлые песни "Всё хорошо, прекрасная маркиза", "Му-му" (как корова съела цветы, есть замечательный мультфильм в Сети, "Старая пластинка" называется, вот там поют оба Утесовых)? Но самой замечательной их песней считается "Дорогие мои москвичи" — хрипловатый утесовский и нежный голос Эдит, блестяще использованной М. Казаковым в своем легендарном телефильме "Покровские ворота".

Жизнь свою она связала с режиссёром Альбертом Гендельштейном. В 30-е годы он считался самым красивым мужчиной Москвы. Когда эта пара появлялась в обществе — высокий, статный красавец с латиноамериканской внешностью и маленькая, улыбающаяся и очень мягкая Эдит, о них судачила Москва ещё целый месяц. Гендельштейн снял очень удачный фильм "Любовь и ненависть" (1938 г.), затем — "Поезд идёт в Москву" (1941 г.), о нём заговорили. Снимал много документального кино. Несмотря на бесспорный талант, Альберт Гендельштейн при жизни не получил ни крупницы "официальной" славы. А ведь он ее заслужил. За полувековую успешную работу в кинематографе ему не было присвоено ни одного звания, его не наградили, в отличие от всех окружавших его кинематографистов, ни единым орденом. В последние 20 лет жизни тяжёлая болезнь (Паркинсона) обрушилась на режиссера. Но он мужественно продолжал работать. Пока мог, снимал, когда стало трудно выходить из дому — писал сценарии. Эдит и Леонид Осипович Утесовы сделали все, чтобы он прожил как можно дольше. Какая это была стоическая самоотверженная борьба за жизнь любимого человека, можно узнать из писем, которые она писала своей тете Юсе Наумовне Вайсбейн (дочке брата отца Леди Утесова) в Одессу, копии которых бережно хранит ее дочка — Молодецкая Майя Владимировна. А где же оригиналы? "Бесамчисленно" уплыли за океан. Прихватив всю огромную коллекцию материалов (тысячи артефактов), собиравшуюся по крупицам со всех концов СССР для мемориального музея легендарного одессита, предпримчивая семья Амчиславских — Борис и Эдуард — уже за океаном начала "просветительскую" деятельность, издав книгу по этим материалам.

С начала войны оркестр Утесова своим искусством помогает бойцам фронта и труженикам тыла. На фронтовых концертах рядом с Утесовым неизменно пела его дочь — Эдит Леонидовна. Маленькая, обаятельная, всегда улыбающаяся, она привлекала к себе внимание. Но ее тонкий, высокий голос как бы диссонировал с мягким, бархатным баритоном отца, воспринимался не сразу, к нему надо было привыкнуть. В сольных песнях, записываемых на пластинки, Эдит Утесова создала образ несколько ироничной девушки и в то же время нежной и преданной самому светлому чувству — любви. Да и в жизни она была хороша, романтична, умела делиться радостью, сочувствовать при жизненных неудачах. Поэтическое начало Эдит начало проявляться с самого детства и не погасло до самого конца жизни. Вот несколько ее стихотворений, написанных в разное время и сохранных племянницей Л.О. Утесова — Молодецкой М.В.:

Я слишком поздно к этому пришла,
почти что стоя на краю могилы.
Я поняла вдруг, что, хоть с малой силой,
поэзия в душе моей жила.
И вдохновение ко мне пришло,
пускай стихи несовершенно, глупы.
Они ко мне являюсь во сне,
я их люблю, как любит мать дитя.
Пускай оно уродливо, болезненное,
ей дорого оно, хоть сердце ноет.
Она скрывает боль, как бы шутя,
она старается украсить, подлечить.
Она заботится о нем и днем, и ночью.
Вот так и я лечу больные строчки,
Пока стихотворение не зазвучит.
Я знаю, что меня поглотит мгла,
что очень скоро я расстанусь с вами
И не успею высказать стихами,
мне сердце жгущими горячими словами
Все то, что я бы высказать могла!

18 мая 1979 г.

А в 1923 году, в возрасте 8 лет, Дита написала:

Он сорван, брошен, маленький цветочек.
Еще вчера лишь был он так прекрасен,
Как солнца луч златой,
его был венчик ясен.
Но смерть костлявою ногой
Его сегодня растоптала,
И дивного цветка не стало.

А уже после войны Эдит написала стихотворение "Фронтовой концерт":

За мной пришел усталый военврач,
он чемодан несет за мною следом,
И, словно конь лихой, несется вскачь
наш "газик" по нечищеному снегу.
Баюкает урчание мотора, и тлеет папиросы
огонек в усах седых усталого майора.
Мы едем лесом, в девственной тиши
застыли сосны в снеговой дремоте.

И вдруг я слышу: "Как Вы хороши!" —
"Но доктор!" — "Ничего, потом поймете,
Вы не смущайтесь, я, пожалуй,
стар для комплиментов", —
говорит он басом.
"И я чертовски за войну устал,
чтобы вдруг стать дешевым ловеласом,
Актриса Вы, должны собой владеть,
таких у Вас не много выступлений.
Предупреждаю: Вам придется петь
сегодня в госпитале лицевых ранений".

Я выхожу спокойно на эстраду — что это?
Я в разгаре маскарада?
Иль, точно пушкинской Татьяне,
мне их лица видятся в кошмарном сне?
Я им пою всем сердцем и любовью,
и кто-то преподносит мне цветы,
А я стыжусь своего здоровья,
и юности своей, и красоты.
По вечерам — концертные эстрады,
но днем — госпитали, госпитали.

О господи! Да сколько же их, право,
отдавших жизнь и кровь свою войне!
А те, что в зале, те кричат мне "браво"
и аплодируют с восторгом мне,
А я гляжу на тех, кто рядом, близко,
гляжу туда, в битком набитый зал.
Что может быть дороже для артиста,
чем эти благородные глаза!
Чем однорукие аплодисменты!

Мне братом каждый кажется боец,
мой долг не только в этом.
Жду момента и все же дождалась!
На фронт поездки.
В сумерках вагона, наконец!
Шипел полковник, поминая мать,
чтоб далее второго эшелона артистов
на фронтах не выпускать!

Чтоб политрук не подвергал нас риску,
и снова назидательнейший мат.

Да где уж там, артист или артистка —
коли на фронте, значит, ты солдат.
Под свист снарядов шли мы по ухабам
к площадкам, где располагался джаз.
И каждый раз твердил начальник штаба:
"Раз слышен свист, то это мимо нас".
Как самолет рассматривая зорко, гадали:
"Наш или не наш?"

Вот там-то я узнала поговорку:
"Наш или не наш, а я в блиндаж!"
Я помню, как из близкого окопа
на звуки песни, по уши в грязи
Красноармеец, улыбаясь, бежал,
чтоб на артистов поглядеть вблизи.
Какие на страну валились беды
в забываемые те года,
Но в необъятном подвиге Победы
есть микродоля моего труда.

Не знаю: много в жизни я успела?
Ни почестей, ни званий, ни наград!
Но с чистой совестью могу сказать я смело,
что в нашу жизнь и я внесла свой вклад!

Уже в 50-х вдруг началась травля джаза (советская музыка и джаз несовместимы!), на Эдит начались гонения, в прессе печатались грязные эпиграммы, о ней писали, что она никто и выезжает на славе отца, а потом и вовсе потребовали от Утесова прекратить семейственность и уволить дочь из оркестра. Эдит не стала ждать и уволилась сама. Тяжело переносила нападки, неделями не выходила из дома. Она создала свой коллектив, стала выступать с сольными программами в сопровождении джаз-ансамбля под руководством бывшего утесовца Ореста Кандата. А на продолжающиеся нападки излучала свет обаяния, это при том, что, сама будучи сильно больной, непрерывно заботилась и о муже, и о папе. В 81-м не стало любимого мужа, а 21 января 82-го ушла и Эдит. На прощание с Эдит в ЦДРИ (Центральный дом работников искусства) собралось огромное количество людей. Утесов сказал: "Наконец, Дита, ты собрала настоящую аудиторию слушателей"... Леонид Осипович пережил дочь на полтора месяца. Сегодня специалисты утверждают, что она была очень талантливой, что создала свой, новый стиль пения.

Леонид ГЕРВИЦ Эскизы воспоминаний

(Окончание. Начало в № 85.)

Был в моей ранней жизни еще один человек, который, казалось мне, полностью подходил под определение "мой лучший друг". Он жил не в Одессе, а в Москве, но каждое лето гостил у своей бабушки Миры Исааковны Полонской, жившей с нами на одной лестнице.

Но прежде — несколько слов про наш дом. Район, где мне пришлось провести самые лучшие годы своей жизни, — лучший район в Одессе. Что можно представить в старой Одессе более знаменитое, чем Пушкинская улица?.. На одном углу — филармония, на другом — великолепное здание гостиницы "Красная", третий угол этого перекрестка занимал наш дом постройки начала XX века по двум адресам: Полицейская, 17 — Пушкинская, 16. Неповторима атмосфера засаженной платанами улицы-шатра (бывшей Итальянской), которая пролегла от вокзала к Приморскому бульвару. Здесь — музей, там — театр, здесь — филармония, там — особняк Сикара, а в самом начале — бронзовый бюст его знаменитого обитателя. А вот — гостиница бывшая "Бристоль", с балкона которой, по рассказам моего деда Абрама Гуревича, выступал сам Буденный. Он заявил, размахивая кулаком: "К нам поляки протягивают руки, а мы им шею свернем". По Пушкинской, по воспоминаниям деда, целый день шла Первая конная армия со стороны порта на ж/д вокзал. Там солдаты грузились на поезда, отправляясь на войну с белополяками.

Одесса много повидала в XX веке. Но непреходящие творения Мельникова, Боффо, Мартоса, Бернардацци и многих других талантов искусства и архитектуры сделали нетленной ее красу и неподражаемое очарование. Это была моя среда обитания с "младых ногтей".

Здесь я с разбегу влетел в фонтан дельфинов в основании памятника Пушкину — на мою беду, воды в нем не оказалось. И меня с окровавленной головой отнесли в рядом стоявшую больницу водников. Здесь я погнался вдогонку за мячом и лишь по счастью не угодил под колеса троллейбуса. Здесь я с отцом регулярно ходил стричься на угол Пушкинской и Жуковского, у парикмахера, фамилия которого почему-то тоже была Жуковский. Здесь гремели первомайские оркестры и шли колонны, как мне тогда казалось, совсем счастливых людей, и лопались с веселым треском шары, и развевались алые шелковые знамена и мой свежееглаженный пионерский галстук. Здесь, наконец, однажды, шатаюсь праздно по улице, я наткнулся на человека в старой солдатской шинели, сидевшего на низком стульчике и что-то писавшего масляными красками на маленьком холстике, прикрепленном, как я знаю сейчас, на этюднике. Притянутый, как магнитом, я застыл за его спиной и, обвешиваемый неизвестным чарующим запахом, как завороченный, следил, как его маленькая кисточка выписывает купидонов на балконе гостиницы "Красная". Вечернее солнце заливало золотом вычурный фасад гостиницы, синие тени бежали вниз по Полицейской улице и терялись за спуском Кангуна.

Разве мог я тогда думать, что вот эти мазочки масляных красок на горящем фасаде так хорошо знакомого дома окажутся той силой, которая не отпускает меня и сейчас, шестьдесят лет спустя?

Я всегда очень любил бродить по улицам сумеречной Одессы — в этом много поэтичного. Например, идти под шатром Пушкинской под сплошной гомон птиц (рискуя быть тут же отмеченным) — это летом. А зимой — в тишине покрытого снегом пространства, как в студии звукозаписи, и думать о чем-то своем.

Мы жили на третьем этаже нашего густонаселенного дома. Квартиру получил мой папа от своей конторы "Юзгаготзерно", главным инженером которой он работал. Мои родители порознь, разными путями, не зная друг друга, осенью 1944 года вернулись в только что освобожденную от фашистов Одессу. Мама приехала из Узбекистана, из города Халкабад, где она с семьей коротала нищие, голодные годы эвакуации. Отец приехал из Сибири, из города Омск, где он воз-

главлял областную хлебопродукцию — всю войну кормил фронт хлебом. Огромная Омская область размером с Францию была полностью на его ответственности. И ошибаться в те времена было не менее опасно, чем на полях сражений. В то время как мамин отец, мой будущий дед Абрам Яковлевич Гуревич, служил в пулеметном училище на южной границе, в Кушке, мой другой будущий дед Михаил Григорьевич Гервиц пребывал в "доблестных" рядах узников ГУЛАГа в Нарьян-Маре, на Таймыре, в Сивой Маске, на поселении в Саратове. Оба моих будущих родителя бились в одиночку за жизнь и благополучие своих матерей и близких. Пока не встретили друг друга.

Моя память еще хранит кое-что из послевоенной Одессы. Хорошо помню развалины разбомбленных домов, которые мы, мальчишки, называли "развалки". Страшно тянуло туда, и страшно было среди груд битого кирпича и искореженного железа. Память сохранила безногих, а порой и безруких жителей освобожденного города, отдавших свои конечности за его свободу и вынужденных побираться. На незамысловатых деревянных тележках, снабженных шарикоподшипниковыми колесами, они, не унывая, ловко взбирались на огромной высоты ступеньки одесских громохочущих и всегда полных трамваев. Их могучие полуфигуры в полосатых тельняшках, как будто сошедшие с кадров "Броненосца "Потемкина", сновали по трамвайным половикам с протянутой культей, в которой обычно была зажата просто консервная банка, ухитряясь отталкиваться от земли П-образной деревяшкой. Среди них был один городской сумасшедший, говаривавший при этом: "Граждане, это корабочка от циферблата. Цифры я выбросил, а блат остался — гоните монету". Среди этого любопытного люда была особа совершенно притягательная. Я встречал ее довольно долго и после этих незабываемых лет и всегда почему-то вспоминал портрет Урсулы Мнишек работы Левицкого — уж больно похожи были их седые парики. Она была усата и все дергала головой, как бы согная назойливых мух или пчел. Говорили, что она — бывший врач. Не зная, можно было предположить, что она спешит на вызов, а дергает головой под тяжестью обстоятельств.

Особая статья были одесские дворники, с которыми у нас всегда шли локальные войны, заканчивавшиеся поливом водой из шланга или в крайнем случае шлепанием по спине ручкой жесткого веника из сухих веток. Дворник соседнего 19-го номера дядя Вася был сухой сгорбленный старик. Его кривые ноги, обутые в высокие сапоги, не знали усталости. Его белый чистый фартук резко контрастировал с замызганным ватником и такой же шапкой-ушанкой, по которой, казалось, прошло стадо слонов. Он был косноязычен и всегда зол, но делал своей метлой большие concentрические заметы с такой аккуратной последовательностью, что было любо-дорого смотреть, как пыльный, грязный тротуар становится чистым и опрятным. Особенно весело было наблюдать с моего балкона третьего этажа, когда ранним утром первые солнечные лучи неслись со стороны моря, из-за крыш флотского экипажа вверх по Полицейской, как согбенный дядя Вася, зажав концы шланга своими заскоружеными и подагрическими пальцами, выдает хрустальный веер водяных брызг, в котором играет настоящая радуга. Когда же утомленная за день летним зноем моя улица покрывалась длинными сине-фиолетовыми тенями заката уже с противоположной стороны, дядя Вася сотворял вечерний полив, иногда прерывавшийся толпами футбольных фанатов, шедшими в сторону моря и парка к главному нашему стадиону Черноморского пароходства. Возвращались они часа через два уже не стройными, а разбродными, и не колоннами, а одиночными группками по уже чистой улице. "Дяденьки, какой счет?" — спрашивали мы, еще не мечтая о телевизорах и прямых радиотрансляциях. "Проиграли", — еле повернув голову, вздыхали "дяденьки" и шли дальше, куря "Беломор" и обсуждая, как это Кот (Костя Фукс) промазал со штрафного.

Но вернемся к моему дому. К моменту моего появления на свет родители и бабушка Геня, папина мама, жили в нем поч-

ти два года. Две комнаты в среднем по двадцать квадратных метров, с балконом, половина которого принадлежала семейству плотника Дорофеева, жена которого сидела дома и все время что-то брэнчала на пианино (чаще всего балетную сюиту из "Фауста" Шарля Гуно; мы прожили там почти тринадцать лет, и все это время за стеной звучал один и тот же Гуно). С ними жила сестра жены с исковерканной ступней (сама жена была сильно косоглаза) и дочка Лида, которая (по слухам) занималась древнейшим ремеслом. Ухажеры у дочки менялись по несколько в сезон. Лида работала в припортовом бакалейном магазине. Новый ухажер, фатовый парень Дима, был по-уголовному эlegantен, но выпивал. И иногда Лида не впускала его в дом. Однажды ночью мы проснулись от страшного шума — Дима выбил филенку из старинной крепчайшей двери еще времен Александра III и влез в квартиру. Примерно в то же время ночью нас обокрали. Украли именное папино кожаное пальто, которое ему досталось от наркома Микояна в награду за хорошую работу в войну. Папа мой был довольно большим оптимистом, и не помню, чтобы он сильно убивался по этому поводу. Вообще, надо сказать, что жизнь в те времена была нескудная. К нам приходили друзья родителей. Мама играла на пианино, все были относительно молоды и вообще полны ожиданием новых лучших времен. Самое страшное было позади. Не считая, конечно, сталинских репрессий, которые отнюдь не ушли с войной, а стали еще более безумными и большей частью антисемитскими. В нашей семье отцу народов присвоили несколько кличек, все — на идише: а голзен (убийца), Йосл (Иосиф), шуленер (стальной), а мамзер (байстрюк, незаконнорожденный). Разговоры крутились вокруг милихи (на идиш — государство, власть) только с негативным оттенком. И я очень рано понял, что одно дело — дом, другое дело — весь остальной мир, где надо держать язык за зубами.

Парадное нашего старого дома было отделано искусственным мрамором. Стены были на удивление гладкими. Это провоцировало совдеповскую публику рисовать и писать на этих чудесных поверхностях. Попадались и рифмованные перлы. Сбегая вверх и вниз бесчисленное количество раз, я запоминал некоторые из них: "Смерть немецким оккупантам и одесским спекулянтам!", "Смерть одесским девушкам, гулявшим с немцами и румынами!", "Сюня-Писуня" — эта, например, надпись потом нашла своего автора, и я познакомился и с автором, и с объектом, которые были родителями моих юных друзей: мама Славы Кримштейна и папа Лени Полонского.

Однако о доме и его обитателях. Люди там жили разные: бильярдист-маркер из парка имени Шевченко, дядя Вася Захаров и его жена Нина с садово-парковой фамилией Безклёнова, уже упоминавшиеся Дорофеевы. Наше крыло дома состояло из не очень заселенных коммуналок, через площадку они были больше: по пять — шесть семей. Дети двадцатых годов развезались кто куда по стране. Уцелевшие их родители, в основном одиночке, остались. Внуки и внучки наезжали к бабушкам летом: покупать в море, вдохнуть живительный воздух Одессы. Так, однажды в моей жизни появился мальчишка, тоже Леня, из столицы нашей родины. Он был почти мой ровесник, только не апрельский, а майский. Приезжал он на все лето к бабушке и дедушке Полонским, что жили на втором этаже окнами и большим балконом во двор. Дед Полонский носил большую фуражку на грузинский манер и обладал хорошим юмором. Объектом его добрых шуток часто была моя мама, известная красавица и молодая хозяйка нашей небольшой семьи. Мира Исааковна (так звали его жену) вечно суетилась, готовя бесконечные обеды своему молодому дарованию, за которого все лето была в ответе перед "московскими детьми". А "дарование" целыми днями играло этюды Вивальди и Зейтца, чем возбуждало во мне необычайное уважение. Жарким одесским летом, когда все "нормальное" население устремляется к прохладному бодрящему морю, мой новый приятель занимался за плотно закрытыми коричневыми ставнями, пропускавшими лишь золотые узкие полосы, бежавшие по старому паркетному полу к углой лежанке, устланной самодельным одеялом из лоскутов серого

и черного плюша. Изредка мы выходили с ним на балкон и живо комментировали происходившее во дворе дома № 16 по улице Пушкинской. В центре двора, на старой, плохо ухоженной клумбе, виселась большая развесистая акация. Сквозь ее мохнатые ветви виднелся серый флигель соседнего дома, где в окне третьего этажа иногда появлялась девочка Тала, дочка "Ваньки" Косоковского. Тала была очень серьезной и, как видно, мало интересовалась как музыкой, так и ее исполнителями, к которым я за компанию причислял и себя.

От моего продвинутого приятеля я узнавал всю современную музыкальную жизнь страны и мира. И благодаря этому понимал, почему Генрик Шеринг хуже Яши Хейфеца, а Леня Коган (который был кумиром моего друга Лени) — другой, нежели Давид Ойстрах. Ближе к обеду мадам Полонская, трясая седой головой, неслась из кухни огромную тарелку с неповторимым одесским салатом со словами: "Лени, идите кушать", — отрывая нас от дворовых событий. После веселого обеда, одобренного шутками и требованием есть с хлебом, компания отправлялась в парк. На дворе начиналась хрущевская оттепель, на наших глазах памятник Сталину у входа в парк как-то вдруг превратился в Шевченко, сменили только голову с более длинными усами, оставив ту же одежду. По дороге, неспешно плетясь за Лениной бабушкой, мы оставляли позади местного фотографа с "иконостасом" пляжно-парковой тематики на треноге, продавщицу самого лучшего в мире одесского мороженого, от которого нас за уши оттягивала Мира Исааковна, и, наконец, продавца разноцветных попугайчиков. Это был одноногий человек на деревянном протезе, не то бывший матрос, не то солдат, стоявший обычно у края аллеи, ведущей к памятнику Неизвестному Матросу. Он торговал какими-то меттерлинковскими птичками, болтавшимися на резиночке вверх и вниз.

Помню, это был обычный комочек не то глины, не то папье-маше с воткнутыми разноцветными перышками. При этом бойкий престарелый моряк говорил примерно такой текст: "Граждане, купите прыгающего попугая. Дети забавляются, папы с мамы в море купаются!" Мы с моим другом-скрипачом слегка застревали, чтобы поглазеть на это яркое зрелище и послушать одесский фольклор, что для московского Лени всегда было крайне забавно, пока его бабушка Мира Исааковна, трясая пышными сединами, не прикрикивала на нас: "Ну, Лени, ну, идите уже! Неужели вы думаете, что я куплю вам эту грязь?!" И будущие артисты послушно плелись в хвосте мадам Полонской по направлению к Ланжерону, обсуждая по дороге одесскую лексику, музыкальные новости, Яшу Хейфеца и Иегуди Менухина, футбольные события, конечно, Льва Яшина, которого московская братва называла "Лев Иванович Винимай", и многое другое, абсолютно необходимое развитому молодому человеку середины пятидесятых годов.

Минуя холм с Александровской колонной, мы вливались в счастливую толпу отдыхающих и текли вместе с ней к морю. Оно появлялось, всегда предваряемое неповторимым гомоном пляжного гула, дальними криками и шумом и шипением прибоя. Оловянные блики солнца веселой рябью неодолимо влекли погрузиться в прохладу бирюзовой воды. Эти ранние впечатления остались со мной навсегда и приходят всегда на помощь в грустные минуты, коих хватает на большом жизненном пути.

Через полсотни лет в Америке я ловил те же блики, приближаясь к берегу Атлантики. Эти искорки света на морской глади как бы слали мне привет из моего детства, такого далекого и такого, в сущности, близкого. Я понял, что всю жизнь, убегая от себя, ища новых ощущений и идей, я продолжал любить те искорки света на бирюзовой воде. Проводя лучшие часы с кистью на берегу океана, я как бы заклинанием искусства возвращался в блистательность далекого очарования.

Среди не особо многочисленных родственников нашей семьи и друзей родителей, несколько определенно оставили след не только в моей памяти,

но и в жизни вообще. Так, например, с приезда к нам в гости папиного кузена Левы из Кишинева началась моя карьера художника. Дядя Лева Перельмутер наезжал в Одессу редко на всякого рода учительские конференции. Он работал директором какой-то школы или техникума и имел в жене польскую красавицу, но не Ингу Зайонц, а пышнотелую и белокожую Аделью. Мне было около десяти лет, когда в один из приездов к нам он пристыдил моих родителей за бездействие ввиду моих явных способностей к рисованию и лепке — вся наша квартира была уставлена пластилиновыми фигурками зверей, птиц, людей и натормортами из разных фруктов, кои я изготавливал непрестанно. Так родилась идея отдать меня в художественную школу при Одесском художественном училище, находившемся на улице Советской Армии. Дядя Лева был полковник в отставке, орденноносец, прошедший всю войну, обладавший твердым характером и большим еврейским носом и как-то давший по морде какому-то антисемиту за юдофобские шуточки, за что имел неприятности по службе. Но его твердость послужила, несомненно, толчком к искусству в моей судьбе.

Мама, будучи натурой художественной и в высшей степени впечатлительной, всегда служила тем горючим, которое питало мой разгорающийся интерес к искусству. Отец, наоборот, — инженер и практик, совершенно не обладал музыкальным слухом и не умел рисовать ничего, кроме своих шуточек и шестеренок. Но именно он оказался тем двигателем, который запустил мою творческую машину в ее дальний путь. Он всегда повторял, что его мечта — чтобы мне не приходилось ходить каждый день "в присутствие", чтобы жизнь моя была вольной, а не с девяти до шести. В конечном счете, он добился, чего хотел, но зато я стал работать над собой вообще без выходных, ни днем, ни ночью не давая роздыха себе из-за своей сверхтребовательности и жажды совершенствования, замешанной на необычайном честолюбии. Если я чего и добился в своем искусстве, то только благодаря упрямству и самоограничению, ибо таланта, как мне казалось всегда, мне явно не хватало. То есть, конечно, кое-что было, этого не отнимешь. Но среди моих сверстников попадались и более проникшие в сущность рисунка и живописи. И мое эго всегда старалось ликвидировать эту дистанцию путем напряженной мысли и работы.

Другим "выдающимся", с моей точки зрения, родственником был папин троюродный брат Борис Яковлевич Дерман. Он был веселым тучным человеком, одетым в умопомрачительный мундир морского офицера, с золотыми нашивками на широких рукавах. Работал он главным диспетчером морского пароходства. И на Черном море, думаю, вряд ли был кто-то, кто не знал бы Дермана. Войну он провел на флотах и в конце был направлен советником морского атташе в Югославию, откуда вместе со своей маленькой доброй женой тетей Соней и дочкой Лорой, которая была старше меня на семь лет, вернулся в родную Одессу. Правда, все они были родом из Славуты, но Одессу все равно считали "своим" городом. Я любил бывать у них в особом доме для работников пароходства.

В еще "домашний" период любовь этой семьи ко мне была безграничной. Они не могли отказать себе в удовольствии пообщаться со златокудрым парнишкой и нередко являлись запоздало, чтобы посмотреть, как я в своей голубой пижамке скачу на кровати и выкомариваю им на потеху всякие штуки: подпрыгиваю на матрасе, читаю стихи Агнии Барто и Самуила Маршака, коими меня досыта "питала" бабушка и кои застряли в моей памяти по сей день.

Надо сказать, что в детстве меня часто дергали взрослые и требовали всяких выступлений. Однажды дядя Боря Дерман организовал поездку по Крымско-Кавказской линии (потом делал это не раз и не два) Мне было лет этак пять, и человек я был серьезный. Прогуливаясь по палубе теплохода "Победа", бывшего теплохода Гитлера, я был остановлен группой отдыхающих советских граждан, прослышавших про мои способности петь. Толпа обступила меня и, прижав к шпангоутам, выставила ульяматум: или я им пою, или они забирают мою маму. Помню, как слезы душили меня, когда я был вынужден затянуть "Летят перелетные птицы" и таким образом спасти маму и высвободиться от стальных

поручней, покрытых белой эмалевой краской, за которыми далеко внизу набегала и пенилась бутылочно-зеленая черноморская волна.

Но самым моим любимым и уважаемым был мамин брат Миша, Мишенька, как его звала вся наша семья. Хотя он был строителем, окончившим технический вуз, но его натура была переполнена разными талантами. Например, он никогда не учился играть на рояле, но подбирал и бегло исполнял что угодно из популярной музыки, и не только на пианино, но и на аккордеоне. Мне, внуку и сыну пианисткой, до сих пор непонятно, как можно так выучиться без посторонней помощи. Мишенька так же профессионально выбивал четкетку, которая была очень популярна после прошумевших в Одессе голливудских фильмов "Серенада Солнечной долины" и "Тетка Чарлея". Он потешал всю семью и свою молодую жену Любу, выбивая в квартире деда Абраши и бабушки Мили бисерный степ с таким пристуком и оттяжкой, что, несмотря на могучие перекрытия старинного дома и отменный паркет, его неблагодарными слушателями становились и нижние соседи. Гораздо позже я узнал, что меня, укороченного на седьмой день моего рождения, он всю ночь напролет таскал на руках плачущего от боли и обиды. Миша никогда не приезжал к нам в город, чтоб не оставить хоть какую-нибудь память о себе (а колесил он много по стране: жил в Вологде, на целине, в Караганде, в Киеве).

Так получилось, что он был единственным, кто провожал меня в Америку. Занимая высокий пост в Украине, он вырвался на два дня из крымской командировки, чтобы устроить и проконтролировать наш отъезд. Говорят, сыновья часто похожи на братьев своих матерей, это, наверное, в основном правда. Если генетика имеет место по определению, то и пример старшего брата, коим для меня всегда был Мишенька, тоже немало значит.

Сейчас, на склоне лет, оглядываясь на прожитые годы и пытаясь подвергнуть систематизации свои впечатления и прошедшую жизнь, прихожу к страшному выводу о непрерывной текучести повседневности и отсутствии каких-либо представлений у живущих о периодичности их жизни. Быть может, веда я когда-либо дневник, эта истина дошла бы до меня и ранее. Но, с другой стороны, быть может, отсея событий и лиц, проверенных временем, сослужил добрую службу. Дневник, хотя и наполнен обилием деталей, все же не так "отжат", как воспоминания.

Культурная жизнь Одессы периода моего раннего детства была весьма разнообразна. Мы с родителями ходили в театр, в знаменитую Одесскую оперу, правда, не на оперу, о которой было известно, что она слаба, а на балет. Так, я смотрел Глазю "Медный всадник", "Лебединое озеро", "Шурале" ("Али Батыр")... На этот же период приходится начало моего собирания музыкальных пластинок. После очередной болезни дед Миша Гервиц принес мне набор пластинок с мелодиями и песнями из только вышедшей в свет оперетты Дунаевского "Белая акация".

А как было шумно и радостно в городе, а значит, и у нас на улице Розы Люксембург, когда приходила домой китобойная флотилия "Слава" после годового промысла в Антарктике. Толпы на этот раз уже не мужчин (как на футбол), а женщин с детьми, колясками, цветами шли к морю, к порту встречать своих отцов, мужей и братьев. Китобои были одними из самых уважаемых людей в городе. Слова "у нее муж китобой" или "у нее муж плавает" уже без всяких сомнений говорили, что это "богатые" люди. Богатые, конечно, в нашем тогдашнем, советском представлении. Ну, что это значило: что у них, наверное, квартиры от пароходства (а что в Одессе есть богаче или важнее пароходства?), ну, наверняка есть дача где-нибудь на Фонтанах или в Аркадии; как правило, в те времена с частными машинами еще было туго ("Жигули" появились лишь в семидесятые годы, а "Победы" были очень дорогие); жены и дети тех, кто плавал, отличались хорошей заграничной одеждой. В общем и в целом город был в "прикиде". Те, кто не "плавал", ухитрились "ловить большую рыбу" на берегу. Но для этого нужны были особая сообразительность и желание рисковать. ОБХСС не дремал, и много неистовых одесских дельцов лишились свободы и "вольного одесского ветра" в погоне за шикарной жизнью в те годы. Мой отец, когда дед вернулся из ГУЛАГа после десяти лет невинной отсидки, вместе с ним

впрягся в мелкий, как теперь говорят, бизнес, открыв на Пересыпи молочную. Полню неповторимый запах свежего молока, творога и сметаны, когда я был однажды приведен в цех и мне был показан таинственный аппарат под названием "сепаратор". Желание держать семью "в порядке" толкало отца брать сметную работу на дом, работать в проектных организациях. Он был хорошим инженером, и работа к нему шла.

Иногда я засыпал, а он все сидел над своими сметами. Бывало, я не мог решить задачу по арифметике. А на следующее утро она была уже решена и объяснена им, а он до работы с раннего утра опять сидел за сметами.

Воспоминания этого времени относятся к Пушкинской улице, где мы жили первые двенадцать лет моей жизни. Мне было восемь с половиной лет, когда в моей жизни появилась сестра Майя. Начался "майский" период. Когда маму увозили в родилку, я, конечно, в очередной раз болел. Лежа в кровати, смотрел на фронтон дома напротив: над его окнами геральдические карнизы в виде щитов казались мне незавершенными лицами каких-то рыцарей. Попутно читал "Робинзона Крузо" с иллюстрациями Жана Гранвиля. Срисовывал карандашом открытия с картин передвижников. Помню, сделал "Порожняков" Прянишников, где никак не мог взять в толк, что это за зверь роется в снегу, мало похожий на собаку. Но фигура нищего, съезжающегося от холода студента вызвала у меня живое чувство сожаления. Такие же чувства вызывали у меня старик со старухой с картины Васнецова "С квартиры на квартиру".

Осмысливая свой путь в искусстве, вижу, что сообразно моим ранним впечатлениям детства я не мог быть модернистским художником. Уж очень много реализма прошло перед моими детскими глазами и запало в душу. Друзья и знакомые моей семьи, желая поощрить мои занятия живописью, дарили часто книги по искусству. Одной из первых был серый в твердой обложке каталог из замечательной серии тех годов "Русская живопись в музеях РСФСР" с чудесными картинками, к которым я испытывал крепкую привязанность. Я любовался пастозностью мазков Репина, лихостью Серова, изобретательностью Жуковского, смелостью Машкова и Кончаловского. Самыми любимыми были Серов и Левитан. Крамской казался суховатым и скучным. Брюллов поражал чистотой техники и силой рисунка. Вскоре начались мои самостоятельные походы в одесские музеи. Моим любимым местом, моей "молевой" был маленький залышек Серова и Врубеля в картинной галерее.

Но возвращаясь к сестре и ее появлению в нашей квартире, которого я, признаюсь, с нетерпением ожидал. Я мечтал, что, наконец, появится кто-то по возрасту младше, и это даст мне удовольствие покровительственно руководить. Как я ошибался! Об особях иного пола я судил в основном по маме и двум бабушкам, для которых я был главным любимцем. О, как я ошибался в женщинах! Очень скоро начались уроки житейской мудрости, которые, впрочем, продолжают и сейчас, пятьдесят восемь лет спустя. Хотя вряд ли найдется столь любящая сестра у кого-нибудь еще. Мне, по крайней мере, так кажется сегодня, за что я, недостойный, ей вечно благодарен.

Есть хорошая еврейская поговорка: "a sok — a shkarpetke", что в переводе с идиш звучит, как "чулок — нет — носок". "Майский" период начался с того, что я перестал быть центром Вселенной, и даже мои выдающиеся болезни перестали давать мне весь комплекс beneфитов. Зато стало чуть-чуть свободнее в плане ответственности за свои дела — на меня стали меньше обращать внимание и давить.

Постепенно я сам перешел в разряд мощников: глядил пленки, ходил гулять с коляской вдоль Полицейской улицы, таскал вещи во время походов мамы и Майи в поликлинику. Благо, домашние уроки занимали непродолжительное время. Я с легкостью заучивал поэзию, пользуясь методом последовательного повтора, который считал своим изобретением. Любил все науки одинаково, но меньше всего арифметику, может быть, из-за грубости "Ефима". Короче, школьные годы вспоминаются как приятное времяпрепровождение. К тому же можно было отвести душу в художественной школе по вечерам. Там были новые знакомые, запах красок, другая жизнь, недоступная моим одноклассникам и делавшая меня исключением, коим я привык себя считать.

Где-то в конце 1958 года отец перевез нас в новую квартиру, она находилась в надстройке старого дома № 93 на Островидова, где я и прожил до отъезда в Ленинград.

За год до этого переезда я, теперь уже серьезно, заболел мононуклеозом. За мою жизнь боялись, меня таскали к лучшему гематологам города Ломко и Кранцфельд, папа даже свозил меня в Москву к ведущему специалисту с мировым именем профессору Кассирскому. Тот сказал, что мне нельзя больше болеть ангиной, и тогда все будет в порядке, я буду нормально жить. С тех пор я больше не болел ангиной. Точка. Вот уже пятьдесят два года.

К четырнадцати годам встал вопрос, как мне жить дальше, где учиться. Моя бабушка Миля, Эмилия Павловна Гуревич, педагог игры на фортепиано, договорилась о встрече с Петром Афанасьевичем Злочевским. Он был главным художником Одесского театра оперы и балета, и его дочь брала у бабушки уроки фортепианной игры. Собрали мы с отцом мои рисунки, сделанные дома и в художественной школе, и отправились в начало улицы Чкалова, где жили и работали одесские художники. Незадолго до этого события я, сидя на нашем длинном балконе на Островидова, сделал работу с видом Успенского собора, прозрачную весеннюю акварель, несколько суховатую, как я оценил бы ее сейчас, но с чувством поэтическим, тонким.

Мэтру Злочевскому, вид которого напоминал о запорожской вольнице, не хватало только оселедда и красного кушака с саблей, именно эта акварель и понравилась. "Есть божья искра в рисунке", — заключил он. И послал нас на два этажа ниже, где жил его бывший декан, а в те годы — прекрасный педагог художественного училища Николай Артемович Павлюк. С именем этого человека в моей биографии будет связано много событий, в конце концов, выведших меня на путь искусства живописи. Но об этом — после.

К лету 1961 года с помощью Н.А. Павлюка я определился в своем намерении учиться в Одесском художественном училище, и старик прирепчил ко мне своего лучшего на ту пору ученика — Витю Лезникова. Это был очень симпатичный, спортивного сложения, молодой парень с приятным грассированием в голосе и со щербинкой в зубах, что придавало его улыбке неотразимое обаяние (Виктор Борисович Лезников в девятностые годы теперь уже прошлого века был директором ОГХУ). Забегая вперед, скажу, что вместе со мной поступила в училище в тот год и девушка, в которую он был влюблен впоследствии, Таня Подхватилева. Но что-то у них не получилось в дальнейшем, к моему сожалению, — хорошие они были оба человека. Итак, в лето 1961 года, живя на даче в Люстдорфе (16-я станция Большого Фонтана), я начал подготовку к поступлению. Мы с Витей писали акварели, в основном, как мне помнится, виноградные листья и лозу. Нужно было прозрачно и свежо изобразить свет и цвет зеленых зарослей. Редкими наездами в Люстдорф Витя прививал мне основные понятия живописи: свет, тень, рефлекс...

Так как я все лето интенсивно занимался рисунком и живописью, мне не стоило особого труда поступить в августе в ОГХУ, чем я несказанно обрадовал моих учителей Павлюка и Злочевского и всю мою семью.

Детство, беззаботное отрочество закончились, плавно перейдя в бесшабашную юность. Началась совсем другая жизнь. Появились новые замечательные друзья. С некоторыми из них судьба мне дарит теплую дружбу и до сих дней.

Началась жизнь, полная "поражений и побед", полная вызовов времени и радостей от участия в процессе, в котором не всем везет участвовать. И на путях которого, полных борьбы за себя, за свое место в искусстве и за свои идеалы в нем, мужала душа и открывались абсолютно замечательные истины.

"Когда б я знал, что так бывает..." хочется иногда заметить вслед за Борисом Пастернаком. Но тут же вспоминаю другие чудесные строки другого гения поэзии Валерия Брюсова: "Юноша бледный со взором горящим...". И все снова становится на свои места, и я снова говорю себе словами Станиславского: "Любите искусство в себе, а не себя в искусстве". И я беру кисть и становлюсь к холсту.

И... дорога уходит вдаль.

Нью-Йорк.

Ефим Бершин

"Красные помидоры"

Я позвонил Чичибабину уже вечером, накануне отъезда в Харьков, 12 декабря. За окном как раз повалил какой-то грязный московский снег, и было видно, как он тут же, достигая земли, превращается в месиво, в черную жижу, налипая на подошвы пешеходов и шины автомобилей. Столичный декабрь, как это часто бывает в последние годы, был мрачен — ни зимы, ни осени, одна грязь. На улицах и в душе. По новостям как раз передали сообщение о том, что великий полководец Грачев повел армию в Чечню — умирать "с улыбкой на устах". Из дому, честно говоря, выходить не хотелось. Но голос Чичибабина, как всегда, прозвучал светло, хотя и сквозь свет этот была различима усталость.

— Все нормально, Ефим, мы вас ждем. И не тратьтесь на телефон. Утром увидимся и обо всем поговорим. Я вас встречу.

Но он не встретил.

На следующий день в харьковском театре был намечен поэтический вечер, в котором помимо меня должен был участвовать поэт Евгений Рейн, а вести этот вечер собирался Борис Чичибабин. Ближе к ночи мы сели в поезд, а уже утром прибыли в Харьков. Но я напрасно искал глазами на перроне Бориса Алексеевича. Его не было. Нас встречали другие люди. И сообщили, что ночью Чичибабину стало плохо и его увезли в реанимацию.

Предчувствия были самые скверные. Лиля (Лилия Семеновна Карась-Чичибабина) еще месяц назад, после грандиозного поэтического вечера "Литературной газеты" в московском киноконцертном зале "Октябрь", проговорила мне, что Борис Алексеевич постоянно говорит о своей усталости, о том, что жить больше не в силах, да и не хочется. Тогда это прозвучало даже странно, потому что выступление в "Октябре" увенчалось полным чичибабинским триумфом. Он буквально потряс зал своим стихотворением "Плач об утраченной родине", убийственным восклицанием: "Я с родины не уезжал — за что ж ее лишен?" Правда, чуть позже, когда все закончилось, когда выступающие сошли со сцены, а зрители поднялись со своих мест, он вдруг вернулся к микрофону и растерянно произнес на весь зал: "Лилия, ты где?" И столько было в этом неожиданном возгласе того, другого, потерянного и усталого Чичибабина, что стало ясно: никакие триумфы, залы, зрители, телевидение ему уже не нужны. Только Лилия нужна. За нее он цеплялся, как за соломинку.

Меня тошнит, что люди пахнут телом.
Ты вся — душа, вся в розовом и белом.
Так дышит лес. Так должен пахнуть Бог.

Весь день мы с Рейном проболтались по Харькову, о чем-то беседовали с новыми знакомыми, откликались на чьи-то приглашения и все время ждали вестей из больницы. Вестей не было. Никаких хороших вестей не было. Кроме тех, что им как бы заранее были посланы из далекого уже 1967 года:

Сними с меня усталость, мать Смерть.
Я не прошу награды за работу,
но ниспосли остуду и дремоту
на мое тело, длинное, как жердь.

Когда пришел вечер, зал театра был уже полон. За столиком на сцене стояли три стула — для меня, для Рейна и для Бориса Алексеевича. И этот "лишний" пустой стул между нами не просто сковывал — обжигал, мы побаивались на него смотреть. Читали по очереди и по очереди же бегали за кулисы узнавать — как он? И все было никак. Все было плохо. Я все время боялся забыть текст собственных стихов, потому что в голове вертелось чичибабинское:

Я так устал. Мне стало все равно.
Ко мне всего на три часа из суток
приходит сон, томителен и чуток,
и в сон желанье смерти вселено.

Странно, но такого вроде бы прозрачного, ясного поэта никогда толком не понимали. В общем, понятно, почему. Потому что наш мир разделяют совсем не взгляды на поэзию. Люди сами запирают себя в скорлупу конфликтов, где есть "наши" и "не наши", свои и чужие. Каждый, кто находится вне "клубных" пристрастий, — сразу же непонятен. Поначалу псевдодемократическая "тусовка" за него ухватилась: как же — диссидент, познавший еще сталинские лагеря, позже исключенный из Союза писателей, неизменно защищавший всех притесняемых. Потом охладели. Не потому ли, что он, истинно русский поэт, вдруг разразился стихами "Россия, будь!", "Плач по утраченной родине" или "Современными ямбами", где произнес свой окончательный приговор отношениям между

современным миром и поэзией: "...поэзия и буржуазность — принципиальные враги"? Вот и оказалось, что искренне переживающий (и не переживший!) трагедию происходящего поэт — всем чужой, "непонятный". Пришлось констатировать:

Нам век тяжел. Нам братья не друзья.
Мир обречен. Спасти его нельзя.

Самым страшным врагом для Чичибабина была схема. Он ненавидел жизнь по коммунистической схеме. А в начале девяностых с ужасом обнаружил, что на сцену явились новые догматики, строители схем и концептов — в жизни и в поэзии.

— Такие все и развалили! — ворчливо заявил он мне во время одной из встреч. — Ну нет у них любви! Конечно, гораздо легче все сломать. Но тот, кому дано лишь ломать, создавать не способен. Я сразу понял, что наши реформы — чистая конструкция, потому что опять все делается без любви, без Бога, без желанья добра каждому человеку.

Такие же "концептуалисты" из "Огонька" в 1949 году прислали ответ на стихи, посланные его родителями в этот журнал. "По поручению товарища Суркова" консультантка редакции В. Попова оценивала чичибабинские стихи как плохие и беспомощные, советуя не писать вовсе. А под конец утешила: "Ваш

труд, кем бы вы ни были, нужен, полезен стране и народу, ведь не только писатели и поэты нужны родине". Конечно, родине еще нужны были и заключенные. Стихи-то, транзитом через родителей, были присланы из Вятлага. Кто бы сомневался, что его труд за колючей проволокой гораздо полезней родине, чем его "беспомощные" стихи. А ведь уже был написан один из его шедевров — "Красные помидоры", с их неповторимой звукописью и космическим отрешением от мира.

После поэтического вечера наступила черная гостиничная ночь — полубессонная, с навязчивыми, с головной болью, с бьющими в разрывающихся висках чичибабинскими строчками. Слово часть его агонии вырвалась за пределы больничной палаты. Слово кто-то предлагал мне со-участвовать в его смерти, как он сам в последние годы со-участвовал в моей жизни.

И хмурое, тусклое утро добрых известий не принесло. Мы весь день бродили по городу, сиживали за хлебосольными столами харьковчан, читали стихи и бегали к телефону. Борис Алексеевич обманул. Он нас не встретил. И надежд на встречу не оставалось. Я еще не понимал, что последующие годы будут сплошной встречей с ним, с его стихами. Для этого потребовалось совсем немного — не поддаваться массовым психозам, влиянию толпы, групп, "тусовочных" элит.

При этом условии стихи Чичибабина поджидали за каждым поворотом. Главное было — "не совпадать со множеством".

Я верен Богу одиноку
и, согнутый, как запятая,
пилю вусуперечь потоку,
со множеством не совпадая.

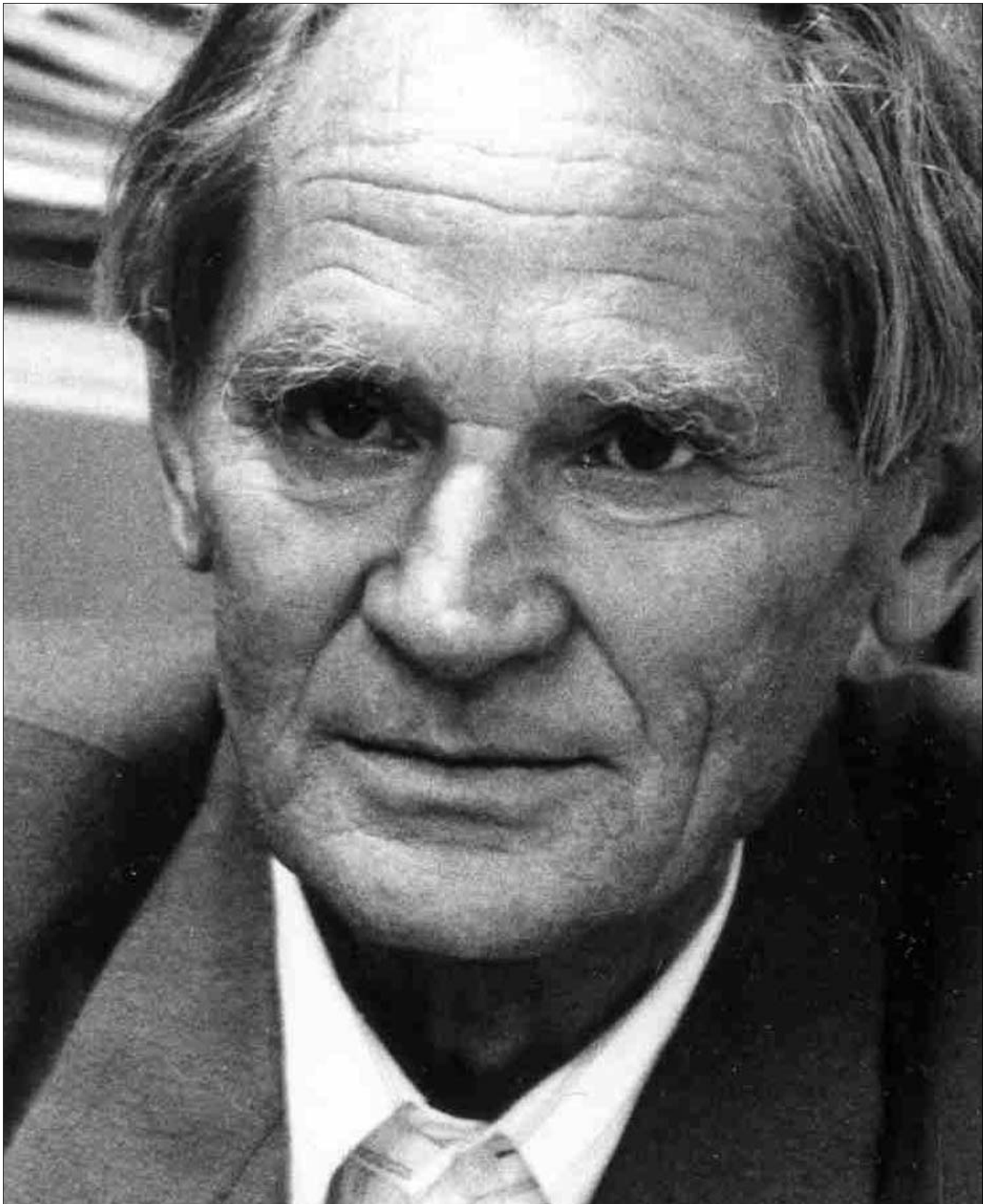
От честности до вечности — один шаг. От подлинности, от верности таланту. Через несколько лет я прошел, озираясь, по улице имени Бориса Чичибабина. Он встретил меня улицей, встретил памятником, встретил барельефом, встретил трехтомником. Все было такое свеженькое, новенькое, бодрое. И никак не напоминало вот этого:

Одним стихам век не потускнеть,
да сколько их останется, однако.
Я так устал! Как раб или собака.
Сними с меня усталость, мать Смерть.

Всю следующую ночь смерть снимала с него усталость. И сняла, наконец. Исходил гарью и дымом харьковский вокзал, с которого мы возвращались в Москву. Российские войска подходили к Грозному. Липкий снег забивал окно вагона. Реформаторы обещали золотые горы. Нищие рылись в мусорных баках. Новая буржуазия с телеэкранов светилась страшными улыбками. Столы ломались. Вожди писали никому не нужные указы. А поэт вымолил, наконец, покой, еще раз бросив на прощание:

Лестницы, коридоры,
хитрые письмена...
Красные помидоры
кушайте без меня.

Москва.

Олег Кудрин Жгучий Крапива, или Аффттар жжот

И снова ушел один из наших... Что-то слишком часто стали прощаться. Руки тянутся к клавиатуре, но тут же тормозишь себя. Неохота становиться записным некроложником. И еще... глупая, наверно, мысль, но как будто бо-
лится сглазить: "Так, о ком еще не писал?.." А боль копится в сердце и мыс-
лях, отравляя то и другое. И просится наружу.

Так что — занавес! (Все-таки речь идет о режиссере.)

1990 год. Февраль. Студклуб ОГУ, актовый зал и окрестности. Обновленная (по сути — новая) команда КВН "Джентльмены ОГУ" с лихорадочной решимостью готовится к первой игре сезона — четвертьфиналу с диристой, злой столичной МАГМой, как гово-
рят, обожаемой московской же съемочной группой КВН.

Для постановки домашнего задания худрук Ян Гельман пригласил и представил команде Валентина Крапиву. Трудно представить, как-
кая это Сенсация (не ошибка — с большой буквы). Отношения у великих стариков, мягко говоря, непростые. Классический вариант: два медведя — и вдруг в одной берлоге на Французском бульваре. Кстати, Валерий Ха-
ит, еще один медведь КВН, только-только эту берлогу покинувший, четыре года назад при-
гласил Крапиву так и не решился. Но Гельман очень опасается поражения ("Надрать Одес-
су все мечтают!") и играет в КВН ва-банк.

И вот домашнее задание. Чтение. Самая точная рифма к нему — изумление. Мы, мо-
лодые авторы, сильно удивлены, что же так не смешно вышло. Столько шуток и сцен не вошло...

А ведь мощный старик Шева (Шевченко Игорь Евгеньевич, Царствие ему Небесное) при моргающем махании головой старика Остули (Осташко Сергей Александрович, дай Бог ему здоровья и долгих лет) говорил нам, что задача стариков — в куче приносимого нами, молодыми, навоза находить жемчужи-
ны юмора. И мы этих жемчужин накидали, как нам казалось, горы. Старики, с тем же Гель-
маном во главе, хохотали, падали. А как свели все вместе, то хоть убейте ("С удовольствием!" — оригинально шутят из трех углов из че-
тырех имеющихся в комнате), но не смешно.

"Понятно! — говорит Крапива. — Выигры-
вать опять будем за счет режиссуры". И, хо-
хотнув своим коротким фирменным смехом, выходит из комнаты. Закрыв дверь, не так чтобы хлопнув, но и не тихо — именно так, чтобы все поняли насколько ему все понятно. Гельман ругается шепотом и уже раздумыва-
ет, не пора ли расставаться с Крапивой прямо сейчас. И тогда же в сотворчестве Гельмана и любимого как народом, так и командой ка-
питана Пелишенко появляется чеканная — на века — формула нашего КВН: "У всех будет смешно, а у нас красиво и..." (тут — волнооб-
разное движение кисти капитанской правой руки сверху вниз) выстроено!"

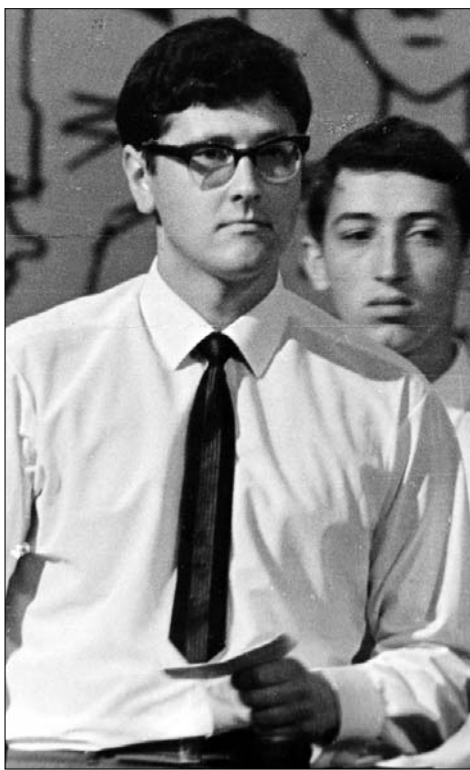
Крапива, как мудрый всевидящий Кутузов (уже потерявший, если не все, то Москву — как минимум, однако же, не проигравший!), берет сутки на размышление. И... завхозы ко-
манды получают распоряжение купить много метров красной и зеленой шелковой ткани. А также несколько метров бруса (дойм на дойм). По слухам, именно эта фишка должна обеспечить нам победу в "домашке".

Наш Кутузов себя не бережет и достает из широких, почти казацких штанин тяжелый пластмассовый сверток с аккуратно сложен-
ным инструментом. И сбивает из принесенной столярной мануфактуры четыре длиннющих (3 — 4 метра) вымпела — два зеленых и два красных. А дальше — обыкновенное чудо.

Обыкновенное чудо режиссуры. Вымпелы превращаются то в красные знамена, то в зе-
леные парки или вместе — в красные транспа-
ранты в перпендикуляр зеленоющим деревь-
ям. Еще движение, мгновенное перестроен-
ие — и это уже изящный салон или будар с дорогой шелковой обивкой. Получается так
волшебное красиво, что за д/з можно не волно-
ваться. Тем более что шутки, полушутки и не-
дошутки везде, где возможно, плотно добыты
трюками и гэггами. Да и приветствие (или, как
сейчас говорят, "визитка") параллельно очень
даже выстраивается, накатывается. Оно и
шутками набито плотно, и (сверху вниз — пра-
вой ладонью, ну, вы помните) выстроено.

Гельман заметно веселеет, мысленно раду-
ясь своему мудрому решению пригласить Кра-
пиву, потому что с "Валей все же можно
работать". Да и вслух Ян Альбертович, объяс-
няя окружающим, что он гений не во всех
сферах творчества, самокритично признает:
"Да, я, конечно, никогда не придумаю крас-
ных и зеленых флагов, как Крапива..."

Вот только третий постановочный кон-
курс — "музыкалка"... Ее нет и нет. Взамен
старики подробно объясняют молодым, что
в КВН такого конкурса никогда не было. Одес-
са и нынче против, мы ж, ё-моё, "всегда пели
под Грига и Моцарта", а тут эта вонючая по-
пса вокруг... Рассуждения точны и благород-
ны, как слова самураев по поводу низости пу-
леметов и револьверов. Как возмущения Чап-

лина по поводу звукового кино или раннего
Тарковского — по поводу цветного. Но играть
все же надо — с "музыкалкой". А ее нет. И уже
пора садиться на поезд, поскольку до игры
осталась неделя.

Посадка. "Богатые, во фраках и бабочках,
одесские джентльмены" (трафаретный текст
членов жюри Гусмана и Голованова) едут, как
положено, в плацкартном вагоне. В купе —
только Гельман, которого как раз прихватил
радикулит (по словам Крапивы, разумеется,
дипломатический; он же — медвежий, "от
страха"). И едет Альбертыч через пять ваго-
нов. Какая неаккуратность — ведь Крапива-то
здесь, рядом с командой. На неокрепшие
детские умы 20 — 30-летних балбесов...

Итак, великий Валентин Владимирович едет
в плацкартном вагоне, чуть ли не на самой
плохой боковой полке. И это понятно. Ему, как
истинно большому режиссеру, нужен хороший
текст, чтобы в лицах остроумно показывать,
как он едет в плацкартном вагоне, чуть ли не на
самой плохой боковой полке... И как он поэто-
му близок актерам и молодым авторам.

По слухам, болеющий Гельман героически
с Одессы еще работает над "музыкалкой". И
вот, вот — оно! Это, конечно, не полный ва-
риант, черновой, но его уже можно начинать
"разводить". Листочки с гелманскими иерог-
лифами доставляются в плацкартный вагон
его верными палачинами. И вот кто-то читает
что-то нечитаемое. А потом тишина, наруша-
емая, как пишут романисты, стучом колес.

"Неплохо!" — неожиданно говорит Крапи-
ва, забирая на просмотр листочки. Кое-кто
из неопытных с облегчением вздыхает. Кра-
пива же на секунду как бы вчитывается в гел-
манскую скоропись и произносит: "Очень не-
плохо — для тяжело заболевшего человека".
И лезет в свою дорожную сумку, аккуратно
набитую инструментом и всякой полезной
всячиной.

Зрители с надеждой следят за большим
режиссером. Крапива достает большой блок-
нот, карандаш и садится поудобней, насколь-
ко это возможно в плацкартном вагоне (каж-
дое из последних слов актерски отыграно ге-
ниально). "Бугы-га-га!" — говорит Крапива. —
Музыкалки нет. Потом что то...но, которое
передал Гельман, не музыкалка".

Кто-то из стариков пытается спорить. Кра-
пива легко соглашается, что представленная
"музыкалка" гениальна. Но тут же предлагает
режиссировать ее тому, кто пытается спо-
рить. Споры прекращаются. Крапива же, за-
хватив стратегическую инициативу, объясня-
ет всем, что достаточно нам несмешной кра-
сивой "домашки", а "музыкалка" желательна
смешная. Ну, конечно, это в том случае, если
мы хотим выиграть. Хотя он лично с теми
людьми, которые тут сидят, еще не играл.
И не знает, может быть, они не очень хотят
выиграть... Нетрудно догадаться, что отвеча-
ют люди, которые "тут сидят".

"Тогда давайте писать "музыкалку", — уже
спокойно и деловито говорит Крапива. И все
понимают, что действительно нужно писать
музыкалку. Но как? Как, если до того не напи-
сали за полтора месяца?.. "Панима-а-аешь,

старик! — Крапива обращается к кому-то из
самых молодых и незаслуженных. — А вот это
и есть КВН". И когда все проникаются серьез-
ностью момента, несколько легкомысленно
добавляет: "Бугы-га-га".

Сцена выстроена. Зритель захвачен. Кто
прима, объяснять не нужно, но прима должна
объяснить, как писать "музыкалку". "Очень
просто! Как мы с Юрием Воловичем делали.
Или с Макаровым... Нужно разогнаться. Это
один из методов. Для начала надо говорить
любые слова, но в настроении, в образе. Вот
я в настроении, в образе. Конференсье: "Вы-
СТУПА-А-АЕТ!"

Мы разгоняемся, говорим какую-то чушь.
Крапива жется, но не слишком, чтобы не
спугнуть выступающих. И повторяет снова,
снова: "Выступает!.. Выступает!.. Выступа-
ет!.. Ну, давайте, давайте — сейчас пойдет
настроение. Выступает!.." И мы снова дол-
бим, долбим это "Выступает!.."

Вдруг у кого-то прорывается абсолютно
не смешное, но очень нужное "...великий, мо-
гучий...". Другой подхватывает: "...на ред-
кость живучий..." Крапива лихорадочно за-
писывает. Шутки еще нет и пока не нужно,
но уже ясно, кто будет петь — хор советского
народа (ведь понимание происходящего,
упорядочивание смехового хаоса, "выстро-
енность" — это и в самом деле не капитан-
ская придурь, а самое для нас важное).

"Так, хорошо, начало есть, — говорит Кра-
пива. — Итак: "Выступает великий, могучий,
на редкость живучий..." Но как он это произ-
носит — ГИТИС есть ГИТИС. Обаяние, лучи-
стая энергия в зал (то есть в глубь вагона).
И нам уж вправду кажется, что написаны не
шесть слов, а где-то четверть "музыкалки".

И дальше пойдут шутки — конференсы, пере-
делки песен, смешные строчки... Крапива
только успевает записывать и руководить
этим творческим потоком, в котором уже нет
ни молодых, ни стариков, ни актеров, ни авто-
ров. А все вместе — команда Одессы, надежда
Одессы. Банда! В лучшем смысле этого слова.
И "музыкалка" будет, как мы хотели. Как он хо-
тел. И выигрывает она у ОЧЕНЬ красивой "музы-
калки" МАГМы... После чуда режиссуры это
было второе чудо, подаренное Крапивой: чудо
программируемого сотворчества.

То есть два больших конкурса в дебютной
игре мы выиграли благодаря, в первую оче-
редь, ему.

Будет много радости, творчества, пахоты,
споров, ссор, помоев. Ну, все, как у одесских
питов: "Когда б вы знали, из какого сора..."
И это все не по окончании сезона. А по окон-
чании одной игры. После которой работать
с "Джентльменами ОГУ" Крапива уже не бу-
дет. Однако и выиграть из университетского
студклуба, куда его взяли на ставку в качест-
ве гонорара, не удастся. И он тут задержится
на десятилетье-другое, исполняя все поло-
женные по штату обязанности...

Валентин Владимирович был человеком
многогранно, всесторонне, ренессансно
одаренным — одесский да Винчи... да нет,
скорее — наш одесский Ломоносов эпохи
миллениума. Он одинаково классно работал
руками, головой, лицом, всем телом...

Как он переплетал книги — сложная облож-
ка, и с тканью, и с кожей, и с невестой как нане-
сенной, но к месту, виньеточкой. И с идеаль-
но точным, аккуратным обрезом. Да любая из
этих книжек, одна, в средние века стала бы
ему пропуском в мастера гильдии книгоде-
лов. Книги вообще были, пожалуй, самым
сильным из многочисленных его увлечений.
И это, кстати, показательно. Внешне делови-
тый и практичный, Крапива был куда менее
прагматичным в сравнении с тем же Гельма-
ном, внешне финансово легкомысленным. Это
проявлялось во многом, но ярче всего —
в хобби. Ян Альбертович собирал талеры
(и в молодости Крапива ему в этом подыгры-
вал, мастерски исполняя роль "эксперта"),
которые с каждой большой переменой
в стране становились все дороже и дороже.
Валентин Владимирович — книги, к началу
90-х практически обесценившиеся. Потому
что это были не какие-нибудь первые изда-
ния Гоголя и Чехова или издательства
"Academia" под управлением расстрелянного
Льва Каменева. Нет, это были книги для че-
тения, а не коллекционирования/вложения де-
нег: малотиражные мемуары, уникальные ве-
стерны, заботливо переплетенные запретные
романы, выданные из "толстых" журналов.
Бесценные только в условиях сумасшедшего
советского книгоиздания.

Помню, как однажды во время очередного
авторения Крапива зашел в одну из студклуб-
овских комнат и начал что-то заботливо вы-
меривать своими рулетками. Через неделю
все стены комнаты были густо увешаны про-
фессионально сделанными стендами с вы-
ставкой "НЛО — гости ниоткуда". Планирова-
лось, что студенты и преподаватели универ-

ситета будут платить какие-то деньги за то,
чтобы это посмотреть. М-да... Гешефт в духе
шолом-алейхемовских героев и с теми же,
разумеется, результатами.

Крапива был уникальным одесским патри-
отом. Ведь он на волне популярности одесско-
го КВН, да еще после ГИТИСа, в 70-е годы до-
вольно успешно начал работать в Москве,
на Гостелерадио. Но вскоре вернулся. В его
пересказах невозможность пребывания в сто-
лице была изображена с большой убедитель-
ностью: злые москвичи держат крепостных
одесситов на черновой работе, выжимают из
них все соки и всячески тиранят. На самом де-
ле, по-моему, он просто был из тех людей, что
не могут жить нигде, кроме Одессы.

Он не раз признавался в том, как любит ко-
медию дель арте. Как хочет поставить что-то
в этом духе. Но все не получалось. Все согла-
шались, что выход под музыку из вахтангов-
ской "Принцессы Турандот", конечно, очень
эффектен, но вот что делать дальше?.. А у ме-
ня сложилось впечатление, что Крапива иг-
рал комедию дель арте в жизни. Склоки, ин-
триги, хитрейшие авантюры в коллективах,
которыми он руководил или к которым просто
имел касательство, строились по лучшим
классическим образцам.

Это было чистое искусство. Скандала.
Одесского. То есть чисто искусство скандала
ради искусства скандала. И, в конечном сче-
те, все это не имело ни малейшего практиче-
ского (финансового) смысла. Потому что
высшей точкой любой интриги было то, что
Крапива мог любого неплохо, а то и хорошо
относящегося к нему высокого начальника,
любой, заботливо выращиваемый им коллек-
тив послать на три буквы. И с гордым спокой-
ствием выйти из комнаты, как бы играя актер-
ский этюд "А что, что-то случилось?..."

Признаться, я очень любил Крапиву. Но не
настолько, чтобы в последние годы общаться
с ним чаще одного раза в год. Для этого его
нужно было любить безумно, как замечатель-
ная жена Тася. Или как любимая дочка Кузя (я
ее знаю только под этим именем и не хочу
знать другого). Насмотревшись в богемной
жизни много разного, Крапива к женщинам
был строг. Измену коллективу (ушла с парнем
из чужих) судил строго, как измену Родине,
и изгонял из коллектива немедленно. Но так
же строг был и к себе. Редко у кого я видел та-
кое верное, такое трепетное отношение к же-
не. И к дочке. Он держался за них, как за
единственную надежную опору в неверном
и склочном мире...

Как-то я рассказал, что мне нравится самому
верстать материалы для своего журнала, под-
бирать и форматировать фотографии.
"А шрифты?" — спросил Крапива. "Что шриф-
ты?" — "Шрифты у вас есть?" — "Конечно", —
"Ну, смотри... Может, купите?" И он начал пока-
зывать мне десятки разработанных им шриф-
тов (некоторые — на мой взгляд, не лучшие,
слишком уж навороченные, "режиссерские" —
выложены на его сайте). Многие мне очень по-
нравились. Я взял образцы. И даже кому-то по-
казывал в Москве. Только — вот ведь беда — я
же тоже не умею торговать шрифтами.

Его называли "старомодным", а он, посо-
противлявшись годик, потом осваивал любую
самую сложную новинку. Сначала он отрицал
компьютер как факт. И когда я неосторожно
сказал, что начал набирать диссертацию на
тетинном ч/б ноутбук (технологично приклеив
двумя кусочками пластыря ниточку с правой
стороны монитора, чтобы не выйти за пре-
делы поля и вовремя нажать Enter), то был
жестокот охлестан Крапивой за продвину-
тость, за то, что бегу впереди моды. Однако
прошло несколько лет — я оставался все та-
ким же лохом. А Крапива живо освоил едва ли
не все дизайнерские программы до уровня
"аффттар жжот". После чего начал само-
завенно верстать листовки, афиши, книги
и оформлять сайты.

Да вообще, кажется, не было такого дела,
такой работы, которой он не умел делать.
Или не захотел сделать. Или хотя бы не по-
пытался. Только (вот ведь беда) XXI век — не
время универсалов и энциклопедистов. Нуж-
но уметь "торговать шрифтами". Побеждает
тот, кто строит жизнь по законам строгого
"бизнес-плана", а не дурацкого "плутковского
романа". Но я, наверно, и сам дурак, потому
что любое алогичное джазовое Крапивино
поражение мне милее просчитанного попсо-
вого успеха.

Впрочем, что я о поражениях? Ведь сколь-
ко у него было и побед: стэмзовских, кавз-
эновских. А сколько книг.

Да и шрифты его, может быть, когда-ни-
будь все же оценят.

А еще — по секрету! — про запас есть стоп-
ка написанных им и нигде не изданных жан-
ровых романов...

К 220-летию Одессы

Наш город вступил в 220-й год своей истории. Естественно, он менялся. Александр Пушкин видел не ту Одессу, что Иван Бунин, художник Ефим Ладыженский видел не ту Одессу, что художник Юрий Егоров, фотограф Филипп Гаас видел Одессу не такой, как фотограф Михаил Рыбак.

Конечно, сохранились гравюры начала XIX века — к примеру, романтическая Одесса итальянца

Карло Бассоли. Но в деталях, каким был город, мы можем представить с 40-х годов XIX века, так как еще в 1843 году в Одессе открылись сразу три фотоателье. Кстати, фото к этому времени на бумаге производилось всего четыре года.

Статистика знает не всё. Сколько снимков было сделано за 170 лет, сколько из них репродуцировалось в журналах, а потом и в газетах, выпускалось

в виде открыток, не скажет никто. Тем интереснее проект Евгения Волокина, по крупицам собирающего виды Одессы, ее улиц и площадей и выставляющего их на своем сайте "Вікна-Одеса".

Сегодня мы предлагаем читателям газеты крупную эту коллекцию с сайта viknaodessa.od.ua.

Евгений Голубовский.

Екатерининская площадь

В марте 1874 года на Екатерининской площади был обустроен фонтан.

Открытие памятника Екатерине II, 6 мая 1900 года.

В первые годы Советской власти памятник прикрывали полотнищем. Фото 1919 года.

В 20-х годах Екатерину заменяют Марксом: сначала бюстом, затем скульптурой в полный рост.

Вскоре памятник Марксу упал от порыва ветра. Постамент же памятника простоял еще много лет. Фото 1933 года.

После войны постамент памятника Екатерине II с площади вообще убрали.

Начало возведения памятника "Потемкинцам — потомки", 1965 год.

Воронцовский дворец

Фотография 1905 года.

Так выглядел Орловский корпус, разрушенный в Великую Отечественную войну. Фото 1907 года.

В 1934 году перед дворцом располагалась шикарная скульптура.

В 1936 году дворец отдали пионерам и львов на входе заменили соответствующими скульптурными композициями.

Во время Великой Отечественной войны дворец являлся резиденцией губернатора Транснистрии (1941 — 1944).

Фото 1947 года.

Евгений ДЕМЕНОК

Он стоял у порога в своём чёрном мундире с золотыми эполетами, взяв под мышку красный кивер с султаном, и не только взгляд, но даже поза его выражала неодобрение.

— Бесстыдница, — думал он. — Разве можно сидеть в таком виде? Нога на ногу, одежда разбросана, грудь обнажена... Да что там грудь — она полностью обнажена! И этот игривый взгляд... Ведь стыдно же, стыдно! Я физически ощущаю его — этот стыд. А она, я уверен, его вовсе не ощущает. И как можно? Ведь в зал могут в любой момент войти люди и увидеть её — такую!

Он собрался уже было высказать ей всё это, но слова замерли, так и не сорвавшись с его уст.

ВИРСАВИЯ

— Чёрт побери, но как же она хороша! — думал он. — Кожа словно светится изнутри. Длинные руки с красивыми пальцами. Каштановые волосы струятся по плечам. А грудь... Дай мне волю — я никогда бы не отрывался от этой груди. И этот взгляд... За него можно простить многое. Да что там многое — всё.

— Наконец-то он вернулся! — думала она, поднимая одной рукой густые, тяжёлые каштановые волосы, а другой поправляя обруч, пытающийся их удержать. — Как же он хорош в этой парадной форме! Эполеты, аксельбан-

ты, ордена... А эти залихватски завитые вверх кончики усов! И как он смотрит — осуждающе и одновременно с восхищением. Верно, он сердится — думает, что в зал могут войти люди. А ведь я специально не одевалась, чтобы он увидел меня такой. Увидел и вспыхнул страстью...

Она уже хотела сказать ему это, но вдруг замерла. В зал вошли люди.

— Боже, как же она хороша! — воскликнул мужчина, глядя на её налитую грудь и прозрачную белую кожу. — Я много слышал

о ней, но даже не представлял, что она настолько совершенна! И эта страсть во взгляде!

— Она словно хочет, чтобы её увидели такой. Увидели и восхитились, — произнёс зачарованно второй мужчина.

— Нет слов, она прекрасна, — сказала женщина, вошедшая в зал вместе с мужчинами. — Но взгляните и на него. Этот горделивый взгляд, воинская выправка, залихватские усы... Настоящий, всамделишный герой!

— Портрет графа Перовского действительно хорош, — произнёс первый мужчина. — Но мы приняли решение переместить его в другой зал. А "Вирсавию" оставим здесь. Нет, право же, она чудо как хороша. Глаз не отвести.

ФИЛОСОФИЯ КАК ОСНОВА ПИСАТЕЛЬСТВА

Через искусство возникает то, формы чего находятся в душе.

Аристотель.

Хочешь быть философом — пиши роман.

Альбер Камю.

В любом сопоставлении обожаемого мною Платона с Аристотелем я приму сторону Платона, за исключением одного вопроса — вопроса об искусстве.

На мой взгляд, искусство — не просто отражение реальности. Не "тень теней".

Искусство — это стремление к идеалу. "Невозможно, чтобы в действительности были такие люди, каких изображал Зевксид; но так изображать лучше, потому что образец должен стоять выше действительности", — писал Аристотель в "Поэтике".

Начиная с Аристотеля литература — это не просто мимесис, а искусство возможного.

"Задача поэта — говорить не о происшедшем, а о том, что могло бы случиться, о возможном по вероятности или необходимости. Вследствие этого поэзия содержит в себе более философского и серьезного элемента, чем история: она представляет более общее, а история — частное".

А иногда литература — даже искусство невозможного.

"Невозможное, но вероятное следует предпочитать тому, что возможно, но невероятно". При этом "вообще невозможное необходимо ставить в связь с целью произведения, со стремлением к идеалу".

А, собственно, что такое невозможное, и существует ли оно? Ведь любое помысленное уже есть возможное.

Большинство технических новинок и достижений сегодняшнего дня было описано писателями-фантастами прошлого века.

Какой ещё из видов искусств, кроме литературы, способен моделировать будущее и непосредственно влиять на него? И какой из видов искусств ближе всего к философии?

Не зря Хорхе Луис Борхес называл философию разделом фантастической литературы, в которой существует взаимное сопряжение уникального звучания и многоголосия.

Вообще "большая" философия сегодня теснейшим образом переплетена с литературой. Новейшая русская философия (Лотман, Мамардашвили, Пятигорский) случилась не в лоне русской религиозной философии, а именно в литературе. В Европе и Америке в XX веке именно литература в лице Борхеса, Кафки, Джойса и Пруста приняла эстафету от философской классики. Границы между наукой, философией и искусством были ликвид-

дированы, и Альбер Камю объявил ложным противопоставление искусства и философии. Он призывал "писать роман, философствуя" — вместе с Теодором Драйзером, Фридрихом Дюрренматтом, Симоной де Бовуар. Андре Моруа писал: "Мы стремились философию сделать литературой, а литературу — философией".

Собственно, вся постренессансная философская мысль Франции — от Монтеня до Жюль Делёза — относится к компетенции литературы, а в словах Альбера Камю "Хочешь быть философом — пиши роман" сконцентрирован многовековой опыт французской ментальности. А ведь именно французы задали в прошлом веке основной тренд в философской мысли.

Наличие двухсторонней — именно двухсторонней — связи между философией и литературой сегодня настолько очевидно, что, например, философ Бертран Рассел получил Нобелевскую премию именно по литературе — за работу "Брак и мораль", ибо по философии Нобелевская премия не предусмотрена.

Новейшая европейская философия, а вместе с ней и литература предлагает модель человека, сущностью которого объявляется свобода творить самого себя. Наиболее мощным орудием творения является слово, очевидность которого и демонстрировала литература.

А ведь именно Аристотель впервые назвал автора творцом.

Иногда мне кажется, что Вселенная гибко меняется вслед за изменениями наших представлений о ней. Что это не одно-, а двухсторонний процесс. Окружающий мир влияет на нас, мы влияем на него.

И люди творческие влияют в первую очередь.

В этом и предназначение человека как со-творца, и его ответственность.

Что будет сотворено? Какая мысль, какой образ выйдут из-под пера автора в окружающий мир? Это зависит от его "внутренности", от его мировоззрения, от его философии.

Ранее я употребил термин "большая философия", понимая его как собственно совокупность существующих философских учений.

Но "большая" философия складывается из совокупности "малых" философий, каждая из которых является чьей-то индивидуальной философией, мировоззрением, взглядом на мир.

Именно эта философия является у настоящих авторов основой их писательства.

Джек Лондон написал когда-то замечательное эссе "О писательской философии жизни", в котором он описывает разницу между ремесленниками и настоящими писателями.

"Они начинали с того же, с чего вместе с ними начинали и другие, оказавшиеся впоследствии неудачниками, в наследство им достался все тот же мир с теми же базальными традициями", — пишет он о великих авторах. "Но их от неудачников отличало одно: они черпали прямо из источника, отвергнув материал, прошедший через чужие руки. Из мира и его традиций (иными словами — из человеческой культуры и знаний) черпали они, как из первоисточника, необходимый материал для создания собственной философии жизни".

И далее: "Такая философия была у каждого пользовавшегося продолжительным успехом писателя. У такого писателя есть особый, исключительно его собственный взгляд на вещи. Некая мера или набор мер, которыми он мерит все, что попадает в поле его зрения. Руководствуясь этой философией, он создает характеры и делает те или иные обобщения".

Аристотель в "Поэтике" давал "советы поэта", как следует писать трагедии: необходимо ясно представлять и переживать само то, что изображает поэт.

Джек Лондон вторит ему: "Необходимо понять, что такая рабочая философия дает писателю возможность вкладывать в свой труд не только себя, но и то, что им рассмотрено и оценено, преломлено через его "я". Вышесказанное особенно ярко иллюстрируется на примерах гигантов интеллекта, знаменитого триумвирата — Шекспира, Гёте, Бальзака. Каждый из них был до такой степени самим собой, что невозможно даже проводить между ними сравнение. Каждый черпал из своей собственной кладовой, собственной рабочей философии. И в соответствии со своими собственными идеалами создавал свои произведения".

А на вопрос о том, стоит ли каждому мыслящему человеку философствовать — или отдать это право профессионалам, прекрасно ответил один из лучших романистов XX века, давший в своём романе "Волхв" восхитительное описание Греции, Джон Фаулз. "Сейчас повсеместно в ходу очень модное мнение, что философию следует оставить философам, социологию — социологам, а смерть — мертвецам. На мой взгляд, в этом одна из величайших ересей — и деспотий — нашей эпохи. Я решительно отвергаю точку зрения, будто бы о вещах, касающихся всех и каждого (как то смысл жизни, природа справедливого общества, естественные пределы человеческого существования), только специалист вправе иметь своё суждение — причём только в рамках своей узкой специализации", — пишет он в предисловии к своей философской книге "Аристос".

И далее: "Главная причина неудовлетворённости, которая довлеет над нашим столетием, (...) как раз в том и состоит, что мы всё больше упускаем из виду наше неотъемлемое, данное нам от рождения первейшее право человека: иметь своё, самостоятельно сформулированное суждение по поводу всего, что нас так или иначе касается".

Любая настоящая литература проходит сквозь призму, сквозь фильтр ценностей автора. Сквозь его мировоззрение и философию.

Я упомянул ранее о двухсторонней связи философии и литературы. Точно так же, как философия становится основой литературы, так и литература становится основой философии — той внутренней философии, которую человек думающий возвращает в себе всю жизнь. А ещё по-настоящему глубокая литература учит мечтать. Открывает горизонты. Человек устроен так, что развивается до уровня своей мечты. И чем выше этот уровень — тем выше человек. А настоящий уровень мечты могут дать только хорошие родители, мудрые друзья и правильные книги.

В мире есть материя и наши представления о прекрасном.

Изменять материю, в том числе — материю души, делая из неё прекрасное — вот настоящая жизнь.

Природа позволяет нам возделывать и украшать её. Природа позволяет нам возделывать и украшать себя. Не говорит ли это о том, что возделывать и украшать — назначение человека?

Всю свою жизнь мы познаём. Попытка приподнять завесу, отделяющую нас от тайны бытия, — занятие для лучших из нас. Что может быть слаще, мучительнее, блаженнее и беспокойнее этого?

Кто мы? Зачем мы? Иногда мучительная, иногда восторженная попытка понять мир и Божественный замысел высекает в самых чувствительных из нас искру вдохновения.

Наши представления о прекрасном меняют плоть и материю. Резец скульптора высекает шедевр из глыбы камня. Перо писателя создаёт шедевр из массы слов, растворяя свою плоть в плоти текста.

Творчество — наш шанс на бессмертие. Творчество — наша попытка поднять себя до уровня Творца. Зачем и как можно жить иначе?

Творчество — это Божественный акт. Это путь, приближающий нас к Богу. А что есть философия, как не попытка понять Божественную природу? Попытки эти рождаются в душе трепет волнения и желания поделиться своими находками. Это и есть основа писательства.

«Всемирные одесские новости» в сети Интернет:

www.odessitclub.org

Мария ГУДЫМА

"Маля, какой вы была!"

Эта фраза из текста едва не стала заголовком книги, о которой пойдет речь. Однако название выплыло из последней главы, из такого трогательного абзаца: "Жизнь — как детская рубашка: короткая, записанная и засранная. У меня жизнь длинная. Но записанная — от рождения. Когда-то мы увлекались детской игрой "Вверх и вниз". Была нарисована лестница. Бросаешь фишку и поднимаешься на несколько ступенек. Бросаешь снова — и каешься вниз. Ой и забавная была игра. Так и наша жизнь: то вверх, то вниз. Я была и там, наверху, под небом, и в самом-самом низу, в яме глубокой, простите — вонючей. В ней и сейчас, потому что ослепла окончательно..."

В рамках XVII Международной книжной выставки-ярмарки "Зеленая волна" к одесситам попала новинка от издательства "Наири" — книга, написанная актрисой-одесситкой, вернее, не написанная, а надиктованная составительнице Любови Журавлевой, ведь в конце жизни видеть она не могла, и структура книги уложилась в одиннадцать глав-кассет. На презентации мемуаров Народной артистки Украины Мальвины Швидлер "Жизнь, как детская рубашка" Любовь едва сдерживала слезу и тихо гордилась тем, что многие люди уверяли ее: "Читали и словно слышали Малин голос". Книга издана при содействии Киевского Национального академического театра русской драмы имени Леси Украинки, где актриса служила с 1945 года. Последнюю премьеру сыграла в 2001-м, а на сцену перестала выходить после того, как сослепу упала в партер — подхватили тогда, после этого согласилась выступить только на юбилее художественного руководителя театра Михаила Резникова, на сцену ее выносили и уносили обратно...

Мне повезло: в студенческие годы, а училась я в Киеве, в театральном, довелось видеть Мальвину Швидлер на сцене театра имени Леси Украинки, этот фейерверк энергии, задора, который был у актрисы в крови. Это были спектакли "ОБЭЖ", "Мамаша Кураж и ее дети", "Священные чудовища", "Кровавая свадьба", "Загадка дома Вернье", "Метер", "Генералы в юбках", "Школа злословия"... Легендарные постановки. Конечно, в силу возраста она уже исполняла роли пожилых дам, за одним исключением: волей режиссера Виталия Малахова в "Мамаше Кураж" она играла... Командующего. Чудный был солдафон! Мужчины в труппе на эту роль не оказалось, гротеск — это было ей подвластно... Но дальше сцены мое знакомство с ней не простиралось, о чем теперь жалею, читая эти очаровательные мемуары, в которых Мальвина Зиновьевна, Маля, Малечка с убийственной самоиронией вспоминает о себе, с юмором и теплотой — о других. Ни капли желчи, ни грамма злобы — где вы видели такое? Она в этом не нуждалась и умела быть счастливой в самые суровые времена, потому что много в жизни ее было потерь, но главной для каждой актрисы — потери сцены — не случалось до последних дней жизни. И главной ошибки, предательства профессии, она не совершила.

Немного Одессы в ее воспоминаниях отнесется не к детскому даже и не к внутриутробному периоду жизни, а... Впрочем, сейчас сами поймете.

"Я появилась на свет не по собственной инициативе. И даже не по инициативе моих родителей. Я родилась по указанию мадам Дитман, хозяйки самой шикарной кондитерской. В те времена мои родные могли позволить себе такую роскошь — захаживать к Дитманам.

Мой папа работал управляющим кирпичного завода и хорошо зарабатывал. Правда, когда родилась я... Ладно, об этом отдельно.

Было у них, у папы с мамой, два сына. Кажется, старшему тогда исполнилось девять... Значит, младшему было не меньше семи. И отчего-то моим будущим братьям ни с того, ни с сего понадобилась сестричка. С тех пор они стали упорно выпрашивать ее у мамы. Причем они не просто просили сестричку, они требовали ее купить, хотя могу предположить, что этим двум чудным мальчикам в их годы было уже кое-что известно. Они так старательно выпрашивали ее у мамы, что в какой-то из дней мама согласилась. Но сама она рожать не собиралась. Ей было уже за тридцать. Точнее, ей было тридцать четыре. В то время женщины старше тридцати уже не рожали. Поэтому мои родные отправились в город: выбрать себе сестричку в приют. Я говорю "в город", потому что жила наша благополучная семья на рабочей окраине Одессы.

Моего папу отыскать в городе было несложно. Чаще всего он пропадал в трактире. Простоял там с утра до вечера, потому что именно там заключались сделки по роду его деятельности, то есть в трактире он продавал кирпич. Мама не могла подняться в трактир.

Позже, когда мне исполнилось лет шесть,

она посылала меня туда за папой. Я помню тусклые облака, взлетающие от огромных фарфоровых чайников, очевидно, кузнецовских. Вечно наполненный людским гулом квадрат неяркого зала, но вовсе не от того, что там пили водку, а от того, что там заключали сделки. В том трактире пили только чай! Но мама все равно ждала папу в другом месте. На углу Преображенской и Тираспольской,

дая полная дама, облаченная в заметные брильянты и не вязавшийся с ними крошечный фартушек с рюшечками... Эта холеная мадам с вечно засученными до локтя рукавами неожиданно перешла на мощный крик, чем заставила своих дорогих посетителей умолкнуть и прислушаться к ее словам: "На х.. вам приют?! Вы еще очень молодая женщина. Вы обязаны рожать сами!"

у Дитманов. Я не оговорила: Тираспольской. Во всем мире название этой улицы произносили бы, ставя ударение на слог "ра", и только в Одессе делали акцент на второй части слова — "польской". Это была особенная улица. Она начиналась в центре Одессы и через три квартала упиралась в центр Молдаванки, в конце которой жил Мишка Япончик. Но в своем истоке это была тихая несуетливая улица. Неприлично броской на ней выглядела только вывеска "ДИТМАН", зазывающая в баснословно дорогую кондитерскую. Засидеться там за чашечкой кофе приравнивалось чуть ли не к посещению Европы. А находилось это сладкое место в двух кварталах от нужного нам трактира.

Кто сбежал за папой в тот день, неважно. Важно, что маме в тот день кофе с пирожным подавала сама мадам Дитман, хозяйка заведения. При этом она заметила: "Почему сегодня такие нарядные мальчики?"

А мою маму черт дернул за язык признаться: "Просто мы едем брать девочку из приюта".

Мадам Дитман отреагировала настолько темпераментно, впрочем, как это сделала бы на ее месте любая одесситка. Она всплеснула руками и вскрикнула: "Вейз мир!" Наверняка и все остальное, ею сказанное, звучало не совсем по-русски. Но общий смысл ее возмущения был приблизительно таков: "Вы с ума сошли! Как можно? Нет, я понимаю, если бы у вас не было детей! Но у вас есть два собственных сына! И глядя на них, нивроку, не скажешь, что у вас это плохо получается! Почему ж вы едете в приют? Послушайте, что я вам скажу! Может, вы и будете к этой девочке относиться не хуже, чем к своим мальчикам, но что вы станете делать, когда она вам от "добрых" людей принесет это мерзкое слово "приемись"?"

А вот тут простите за домыслы, но эта хозяйка солидного заведения... Эта немоло-

ухаживаниях ее будущего мужа (после работы в парке на скамейке они пили водку, заедая паюсной икрой).

Переспрашиваю: "Вы говорили, что и хлеба тогда не было. А вино было?"

М.З.: "Какое там вино в голодной Одессе? Просто подумают, что я была дешевой б... Вычеркни водку. Жалко, что ли?"

В итоге водка, конечно, осталась. Как и описания актерских вечерних посиделок с неизменными шутками, розыгрышами и горячительными напитками — история о том, как на гастролях Маля напояла кучера и лошадей, а потом чуть ли не сама правила огромным экипажем на горной дороге (кассета седьмая), заставляет хотеть до слез. Кстати, о хохоте. Маля не скрывает даже такую пикантную особенность: от хохота она неизменно писалась и сердилась на своих партнеров, если они "раскалывали" ее прямо на сцене.

Злых чувств она ни к кому не питала, а светлые стоит ли скрывать, тем более что боли это уже никому не причинит?

Нет, не Мальвина ты, о нет!

Не с голубыми волосами.

Ты просто женщина моя!

Выбираем мы женщину сами!

Но вот когда родится сын,

А нам споют обрядный "аллилуйя",

Не отпущу тебя я с ним —

Втроем умрем иль будем жить, ликуя.

Знаменитый скульптор Евгений Вучетич ваял гигантских женщин вроде Родины-матери в Волгограде, а посвящал стихи миниатюрной брюнетке Мальвине Швидлер, сгорая от любви и надеясь увести от мужа, умолял родить ему сына — кокетливая Маля и сама страшно влюбилась, но семью свою разрушать не стала. Еще одесская мама ей говаривала: "Брюки надела — носи!" И она несла — с первым мужем жила до его гибели в автокатастрофе, со вторым за два года счастья заплатила шестнадцатью годами, проведенными с глубочайшим инвалидом в одной квартире, об интернате не позволяла заводить и речи. Известный российский художник Борис Диодоров рисовал с натуры. Она дружила с Тамарой Ханум, Никитой Богословским, задавала вопросы Михоэлсу и Книппер-Чеховой, доверительно общалась с Риной Зеленой, Марией Мироновой, Клавдией Шульженко.

Кассета десятая содержит в числе прочих "хохму об Утесове": "Одна моя приятельница после концерта подошла к Утесову:

— Леонид Осипович, вы такой прекрасный актер! Вы такой притягательный на сцене. Вы такой музыкальный. Спасибо вам! Я получила такое удовольствие...

Утесов слушал и млея. Сбоку стояла Клавдия Шульженко. Она обратилась к приятельнице:

— Вы только посмотрите на него, улыбается, как будто слышит это в первый раз.

На что Утесов ответил:

— А знаешь, Клава, приятно, как в первый".

Превыше похвал своей красоте и обаянию Маля ценила признание актерских заслуг. Ее первым партнером в джазе был швейцарец, человек с мировым именем, герой-любовник польского кино, певец и режиссер Евгений Бодо. Она играли скетчи в паре со знаменитым юмористом — Виктором Халатовым. Ее партнерами по сцене были звезды советского театра и кино: Константин Хохлов, Мария Стрелкова, Михаил Романов, Олег Борисов и многие другие.

Есть в книге и ценные советы по актерскому мастерству, сцендвижению, выплывающие из непринужденного рассказа, ведь жизнь и театр были неразделимы для актрисы. Мастер-класс от Романова в репетиционном зале однажды закончился болезненным ударом по Малиной руке: "Запомните на всю жизнь: параллельными руками на сцене бывают только у идиотов! Нормальный человек, да еще и в драматической сцене, не имеет права на параллельность рук! Если одна поднята, то вторая должна быть опущена. Если рука в стороне, то вторая опущена либо поднята. А то, что я вас болно ударил, поможет вам это запомнить. Я не стану просить у вас прощения. Так надо. Теоретически такие вещи не запоминаются. Нас тоже били. И довольно больно били!"

Одно время работала Мальвина Зиновьевна и в Одесской филармонии — вдруг кто-то из нынешних сотрудников ее помнит?... Безусловно, мемуары еще одной славной дочери Одессы должны украсить книжную полку каждого интеллигентного семейства. Или мы не читающая нация?... Или бестактное восклицание одного из поклонников: "Маля, какой вы была!" — может оставить в глубоком прошлом и прочном забвении эту удивительную актрису и женщину? Не верится.

Она была, но не закончилась, Маля все еще здесь, пока мы помним о ней, пока перед глазами ее спектакли на столичной сцене, пока в Одессе не перевелись мальчишки, которые просят сестричку, и кондитерши, которые советуют мамам рожать...

Ефим ГАММЕР

Второй такой надписи нет на Рейхстаге

1.

— На чемоданах сидите? В путь-дорогу собрались? Поздно! — резко сказал Колченогий и тут же с какой-то странной иронией, передразнивая стихотворение Маяковского, добавил:

— Знаем мы эти еврейские штучки — разные Америки закрывать и открывать, вещишки собирать и за ворота утекать.

Колченогий — в шляпе и потрепанной кацавейке — ковылял по комнате. Его ошупывающий взгляд рыскал среди разбросанных повсюду вещей. По рябому лицу плыло самодовольство.

Володя никогда ранее не предполагал, что человек бывает настолько противен.

Колченогий поселился в их доме незадолго до начала войны. Толком о нем жильцы ничего не знали. Устроился он кладовщиком на завод "Красный химик". И жил себе, хмырь хмырем, считаясь мужиком замкнутым, нелюдимым.

Однако сразу же после того как немцы заняли Славянск и вывесили свои писули о регистрации евреев, он стал каждого подозревать в принадлежности к вражескому племени, а некоторым — востроносом — мальчишкам приказывал скидывать штанишки, чтобы, как он говорил, "выявить их иудин корень перед лицом народа". Инвалид, позабыв о былой замкнутости, нахваливал гитлеровцев, изображал из себя представителя власти, страдал всевозможными карами за непослушание. Вскоре пронесся слух, что он завел конторскую книгу, куда заносил фамилии и адреса проживающих в заводском квартале евреев, коммунистов, комсомольцев, орденосцев и всякого рода активистов. Хозяином вваливался он в чужие квартиры, требовал каких-то сведений, хитро выведывал, чьи родственники служат в Красной Армии, а значит, сражаются против фашистов.

— Доигрались! — гудел Колченогий, шагая по комнате. — Кончились ваши игры в белых и красных. Всё! Баста! Новый порядок!

Володя следил за своей матерью: сорвется или нет?

Мальчик не подозревал, что маму волнует сейчас другое: удалось ли ее друзьям из сформированного перед самой оккупацией партизанского отряда незамеченными уйти из города. Вместе с ними она уничтожала заводское оборудование, а потом... Потом, спугав ее намерения, заболел Толик, младший из детишек, и пришлось задержаться, на свое несчастье, дома.

— Ну что, Мария, будем молиться на помин души? Крест на себя наложим или в синагогу пойдем? — донимал Колченогий маму.

А она... она, словно утвердась в принятом решении, властно оттолкнула инвалида в сторону и подошла к Володе:

— Забирай Толика и давай на улицу. Я скоро приду.

Володя насулился. Он был готов ко всему, но не к этому. "Уходить из своего дома! Бежать? Бежать в присутствии предателя? Гнать его надо! Гнать!" Но он промолчал, тяжело поднялся с кровати и, ссутулясь, двинулся во вторую комнату, к братишке.

...Когда он спускался по лестнице, сверху донесся неузнаваемо изменившийся — плаксивый — голос, скорее — голосок, паскудно-го доносителя.

— Что вы делаете? — визжал и всхлипывал голос. — Не надо! Не надо! Пощадите!

И вдруг культепка застучала в немыслимо стремительном ритме. Хлопнула дверь — мимо него пронесся Колченогий.

Только тут Володя осознал, почему был выдворен из квартиры. Он вспомнил, как мама, размешив все необходимые вещи в чемодане, переложила из ненужной больше кобуры наган — настоящий наган! Это он видел собственными глазами! — в боковой карман пиджачного костюма.

2.

"Мама! Почему ты не пристрелила его? Почему не убила этого гада? — горестно выптывали покусанные мальчишеские губы. — Мама-мамочка! Почему?"

Володя положил лицо на ладони и прислонился разгоряченным лбом, залитым кровоподтеком, к прохладному стеклу окна. Он не видел, как ветер гоняет по мостовой жухлые

листья, как почернелые клены подрагивают ветвями, как мимо деревьев идут патрульные — в касках, серых мундирах, с автоматами на груди.

Несколько дней после прихода Колченого Володя провел не с мамой. Он жил, скрываясь от дворовых пацанов, у знакомых. Мама сняла на отшибе маленькую квартирку и поселилась вместе с двухлетним Толиком. Володя редко бывал у нее в затерянном на окраине домике-особнячке. Но на всякий случай, по секрету от всех, взял на себя охрану, как ему мнилось, явочной маминой квартиры. Он оборудовал наблюдательный пункт напротив — на чердаке покинутого дома с заколоченными ставнями. Обзор был очень удобный: четко прослеживалась улица, хорошо просматривались подходы к расположенному поблизости особнячку. Порой, когда отодвигались оконные занавески, была различима комната матери: железная кровать, в центре — стол с двумя стульями, в углу — сундук. Однажды под вечер Володе довелось быть свидетелем появления в особнячке незнакомого бородастого мужчины, по всей видимости, партизана. Он долго не задерживался. Переговорив о чем-то, забрал револьвер и ушел. А потом в полумгле послышались выстрелы, и на следующий день пошли толки-перетолки, что кто-то стрелял в бургомистра: две пули в живот — и смотал удочки.

Толки-перетолки, а налаженная было Володей жизнь внезапно изменилась.

В полдень из своего наблюдательного пункта он приметил шагающих к особнячку немцев. Среди группы солдат в черных мундирах без труда различил Колченого. Он ковылял впереди остальных, указывая дорогу.

— Сюда, герр штурмфюрер. Сюда. Здесь она заховалась.

Володя напряг слух, подобрался, будто из-за готовясь к прыжку.

— Не извольте беспокоиться, герр штурмфюрер, — донеслось снова. — Не уйдет. Куда ей уходить? Дитяте на руках малолетнее.

Володя метнулся по лестнице на улицу. Туда — к ней, к маме, не ведающей о близкой беде. Но он не успел опередить гестаповцев. У порога особнячка его цепко схватили за шиворот.

— Куда, малец? — засипел инвалид. — Сиди здесь и не рыпайся! Не то живо шкуру спущу!

Володя вцепился зубами в запястья Колченого. Тот перекосялся в лице, рванул на себя прокусанную до кости руку и наотмашь ударил мальчишку. Падая, Володя ощутил, как шершавые камни мостовой наждаком сдирают кожу со лба.

— Зих ист не киндер, — говорил в свое оправдание инвалид офицеру в черном мундире. — Зих ист, дери его черт, швайне киндер.

Володина мать, увидев из окна эту сцену, схватила в охапку младшенького и бросилась с ним наверх — к соседке.

— Толика! Толика! Возьмите... приютите... Толика! — взмолилась она.

Оставив плачущего ребенка на попечение соседки, она спустилась и была сразу же арестована и отправлена в городскую тюрьму.

...На рассвете по Славянску прокатилось гудом невыслышимым: за городской чертой, у бывшей линии обороны немцы произвели первые массовые расстрелы. Расстреливали евреев, цыган, врагов режима.

Так Володя Тарновский стал сиротой. Отца он лишился еще раньше. Отчим находился на фронте, но вестей от него никаких не было.

3.

Дни накатились трудные, горевые. Земля поседела до времени, выпал первый снег.

Володя пристроил Толика у дальних родственников отчима, а сам перебрался к его сестре Феодосии Павловне. Порознь легче прокормиться. Хотя... хотя лишние рты всем в тягость. И это чувствовалось, ох, как чувствовалось у тетки: пусть вроде бы и племянник, но не братов сынок — чужая кровинушка.

В несладком житье-бытье миновал год. На деревеньку начали наплывать с востока прокопченные порохом тучи. Но часы слагались в сутки, сутки — в недели. Обстановка оставалась неясной. Немцы не покидали деревню. Наоборот, маршевыми ротами прибывали в нее, чтобы после короткой передышки снова двинуться дальше, туда, откуда доносились глухие разрывы, где "боги войны" накачивали свою мускулатуру.

Горек был для Володи сиротский хлеб. Он помогал, чем мог, Феодосии Павловне, приглядывая за детишками, ходил по воду, колол дрова. Однако деревенская бабка — вечно недовольная — попрекала мальчонку каждым куском, то и дело поминала его настоящего отца с упором на отчество, будто от него, уже умершего, веяло какой-то опасностью для ее семьи и для него самого, Володи.

Однажды он выведал от обменивающих скудные пожитки на продукты горожан, что в деревне Шандрыголова, где проживали кумовья отчима и тетки, есть возможность "фартово отовариться".

Володя отпросился у Феодосии Павловны "на каникулы" и с повидавшей виды котомкой, набитой рубашонками городского шитья, кусками "ходового" мыла и поваренной соли, отправился в дальний путь.

Дорога, забитая моторизованными колоннами, предательски выводила к постам полевой жандармерии. Но щуплый, синий от холода пацаненок мало у кого вызывал подозрения.

Володя мечтал перебраться через линию фронта, и обязательно с полезными сведениями. Он подсчитывал в уме проходящие мимо бронетранспортеры и грузовики с прицепами пушками, запоминал, где проводились какие-то земляные работы, строились укрепленные пункты, подступал к расспросам к местным жителям. Но много ли выведаешь у ребятишек или запуганных старух? Только себе навредишь. Так и случилось.

Дважды его задерживали за излишнее любопытство местные полиция: один раз — у моста, второй — у огороженной строительной площадки. И дважды ему удавалось сбежать от них. Не иначе как удача сопутствовала ему. Она шла следом за ним, а навстречу из дымленного далека двигались отступающие немецкие части.

В Шандрыголову Володя добрался одновременно с советскими войсками, правда, вышли они на окolicу с разных сторон: он — с запада, они — с востока.

4.

В деревне Володя застрял. Назад — не могли, там бои. А пристроиться у кумовей Феодосии Павловны не удалось: своих не кормленых ртов у них с избытком. Что же делать? Он отправился по подсказке теткинх кумовей к председателю сельсовета, "усатому Магарычу". Тот тоже не счел нужным приютить ребенка, но пообещал ему найти выход. И действительно нашел его.

"Выход" предстал перед Володей в облике капитана Захарова, заместителя командира дивизиона артиллерийского полка. Он был осведомлен от председателя сельсовета обо всех мытарствах Володи: о сиротстве, о гибели в расстрельном рву его матери — и понимал, какую жажду мести испытывает этот мальчишка, повидавший на своем недолгом веку больше горя, чем иной долгожитель. Знал капитан Захаров и о сметливости Володи. После изучения сведений, доставленных разведчиком поневоле, офицер понял, что этот мальчонка наделен особой солдатской наблюдательностью. Некоторые из его разведданных оказались весьма ценными, и артиллеристы примерялись к квадратам, куда собирались нанести упреждающий удар.

— Служить хочешь? — спросил капитан Захаров, окинув взглядом отошалога пацаненка в трухе и ватнике.

— А как же! — не задумываясь, ответил он.

— В разведчики пойдешь?

— А возьмете?

— Сколько лет?

— Полных или неполных? — опять вопросом на вопрос ответил Володя.

— Разумеется, полных. Хватит хитрить. Тут тебе не немцы, — в глазах капитана затаились веселые искорки.

— Тринадцать, — помаявшись, добавил себе год Володя.

— Врешь?

— Нет, — мотнул головой мальчик.

— А если по-другому: на сколько солгал?

— Не лгал я, дяденька! Честное слово, не лгал!

— Во-первых, отныне не дяденька, а товарищ капитан, — поправил офицер. — Во-вторых... Во-вторых, солгал. Год небось приплюсовал. А?

— Так точно! — отчеканил Володя, пытаясь как-то улучшить представление о себе у это-

го смуглолицего командира, от которого зависело решение его судьбы.

— А в-третьих... для тебя, так сказать, для личного обращения... я не обязательно капитан. Со мной можно и без уставных требований, — продолжал офицер. — Если тебе проще, называй меня по-домашнему — Борис Давидович.

— Нет, мне не проще. Я могу по-военному.

— Эх ты, вояка! — офицер дружески улыбнулся и, взяв Володю за плечи, посуровел:

— Мы еще за твою маму им отомстим! А сейчас запоминай: завтра в шесть ноль-ноль быть у сельсовета. Отбудешь вместе со мной к месту дислокации нашей воинской части.

— Разрешите быть свободным?

— Свободен!

Не чуя ног, Володя выскочил на улицу. В ушах звенели строгие армейские слова: "Шесть ноль-ноль... Место дислокации..."

Назавтра он был у сельсовета в пять утра.

5.

Володя разглядывал свою воинскую книжку. Он не мог вволю наглядеться на каждую каллиграфически выведенную полковым писарем букву. А буквы слагались в необыкновенно притягательные слова: "разведчик-красноармеец Владимир Владимирович Тарновский".

Солдатская жизнь складывалась успешно. Володя был зачислен в первый дивизион 370-го артиллерийского полка. Поначалу — на несколько смущающую его должность ординарца. К капитану Захарову, опекающему его, как родной отец. Но вскоре помог случай...

...Поднятый по тревоге дивизион выдвинулся на танкоопасный участок, чтобы закрыть брешь, образованную на стыке дивизий. Во время марша на позиции несколько грузовиков со снарядами и автоцистерны с топливом, замыкающие транспортную колонну, отстали и затерялись в мглистых сумерках.

Создалось тревожное положение. Без достаточного боезапаса нечего было и думать о сопротивлении врагу, а бой, судя по всему, предстоял жаркий.

По озабоченному лицу капитана Захарова Володя понимал, что стряслось настоящее ЧП. Борис Давидович собирался на поиски пропавших машин. Но когда уже слили весь оставшийся бензин в бак его грузовика, выделенного для броска в ночь, выяснилось самое неприятное: никто из водителей не помнит обратной дороги.

— Как же так? — недоумевал капитан Захаров, обращаясь к шоферу. — Что же это вы, сержант, вслепую крутили баранку?

— А что я? Я ничего! — оправдывался шофер. — Я шел впритирку за ведущим. Куда он, туда я. С него весь спрос.

Но и водитель ведущего "Студебеккера" не помнил дороги: слишком много пришлось поплутать по степи.

И тогда Володя, по пятам следующий за заместителем командира дивизиона, вызвался повести поисковую группу.

— А справишься? — спросил капитан Захаров.

— Справлюсь! Места знакомые. Да и не кемарил я, как некоторые...

Дело было, конечно, не в "знакомых местах". Просто Володя, сидя в кабине, рядом с шофером, предпочитал по свойственной мальчишкам привычке "вертеть головой", глазеть по сторонам, примечать все интересное, да к тому же он впервые направлялся на передовую, в бой: не уснешь и при всем старании!

— Садись в кабину, — разрешил капитан Захаров.

Грузовик тронулся в густую украинскую ночь. Было темно, но Володя, словно обладая каким-то кошачьим зрением, выбирал верный путь. Вот разрушенный ветряк. Вот одинокое дерево с посеченной осколками кроной.

— Можно прибавить хода, — небрежно бросил Володя, зная, что вскоре появится разбомбленная хата.

Водитель выжидающе посмотрел на капитана Захарова.

— Прибавь газу, сержант, публика просит, — замкомдив подтвердил распоряжение мальчишки.

Скорость возросла. Но разбомбленная хата куда-то запропастилась.

Володя старался не показывать виду, что попал впросак. Прошла минута, другая. "Студебеккер" мчался неизвестно куда. К черту на рога. Еще несколько минут, и глядишь — выскочит к немцам. Впрочем... впрочем...

Капитан Захаров заметил, что "проводник" нервно покусывает губы.

— Заблудился?

— Кто? Я? — горячечно воскликнул мальчик и тихо добавил:

— Кажись, дал маху. Надо бы свернуть, а я по прямой. Думал скоротить путь чуток...

— В нашем деле, в военном деле... "чуток" не бывает, — капитан Захаров тяжело задымил папирисой. — "Чуток" недолет, "чуток" перелет, и бац — "смертью храбрых"...

Володя доверительно обратился к командиру.

— Борис Давидович, проскочим! Я не ошибся — зуб на отруб! — я просто маленько спрямить дорогу хотел...

— Ну спрямляй, спрямляй...

Капитан Захаров вынул на всякий случай пистолет из кобуры, положил его на колено.

Еще четверть часа машина продвигалась очень медленно, словно на ощупь. Внезапно огненные лезвия фар, упрятанные под козырьком, вырвали из темноты "исчезнувшую" хату. И в этот миг Володя понял, что такое истинное счастье.

Дальше шли, как по накатанному. И у цели оказались в самый подходящий момент, когда первые зарницы высветили небо.

— Стой! Чьи будете? — окликнули прибывших. — Свои?

— Свои! — поспешно отозвался сержант-водитель.

Слова эти обрадовали Володю, как некогда гол, забитый "в девятку".

— Ну, сыну!.. — расчувствовался и капитан Захаров. — Ты и не представляешь, какое благо дело на твоём счету. — Офицер полуобняв сидящего рядом, у окна, мальчишку. — Помани мое слово, к медали представляю. А пока... пока дарю тебе, — Борис Давидович протянул Володе миниатюрный никелированный "вальтер".

Не ведал капитан Захаров, не любящий попусту разбрасываться обещаниями, что замполит командира полка "завернет" представление о награде и скажет:

— Несерьезно это, Борис Давидович! На родственные отношения смахивает. Как на вас посмотрят в дивизии, если вы начнете своим ординарцам медали раздавать? Предлагаю: лучше переведите пацанка вашего из ординарцев в разведчики. Эта награда для мальчишки в самый раз. А о большем еще рановато думать. Пусть еще повоеует, проявит себя.

6.

Когда наблюдательный пункт был полностью оборудован, наступил вечер. Резко похолодало, осенний ветер рвал полы шинели. Командир дивизиона капитан Шабалов вызвал бойца Тарновского.

— Переправься, парень, в тыл, на тот берег Днепра, и доставь сюда аккумуляторы для радиции. И печурку, Володя. А то околеет. Все ясно?

— Так точно!

Володя пощипнул блиндаж и двинулся к реке. На берегу осмотрелся. Приметил отчаливавшую лодку и по-быстрому очутился в ней, вызвав неудовольствие у забрызганного водой пожилого переправщика.

— Куда суешься? Местов нет!

— В тесноте — да не в обиде. Налегай на весла, матушка-пехота, поехали! — ответил Володя, ничуть не смущаясь разницы в возрасте.

Шла к исходу осень сорок третьего года. Враг стал уже не тот, пуганым стал. Изменился и сын полка, из мальчишки-ветрогона превратился в бывалого солдата, который не раз и не два отражал с автоматом в руках натиск гитлеровцев. А то, что ростом да по летам не вышел, так это поправимо. С годами...

К утру Володя раздобыл аккумуляторы и постоянную спутницу походной жизни печурку-буржуйку, умеющую подавать в землянку тепло — только держись! И приступил к поиску "оказии", чтобы переправиться на левый берег Днепра. Его дивизия одной из первых форсировала эту, как казалось немецкому командованию, неприступную водную преграду, и теперь арtdивизиону предстояло поддерживать огнем наступающие части.

По реке густо шло "сало". Паромщики ждали ветра в надежде, что он разгонит лед. Но ветер не поднимался. Ждать надоедало. Володя представил себе, как намерзлись на НП командир дивизиона с разведчиками — брррр! И потому, увидев, что саперы ладят на воде разборной фанерную посудину, побегал к ним. Улучив момент, втиснулся между двух солдат вместе со своим багажом — аккумуляторами и печуркой.

Перегруженная лодка покинула мелководье и, ошкрябываясь бортом о куски льда, рывками продвигалась вперед. Солдаты-попутчики, не имея весел, гребли саперными лопатками. Вражеские пулеметчики отчего-то молчали. Скорей всего, не примечали утлое суденышко. Тишина успокаивала, думалось: проскочим без помех. Но не тут-то было! Беда навалилась оттуда, откуда ее не ждали. Недалеко от противоположного берега кто-то из "пехоты" переусердствовал, и острой, как бритва, лопаткой пропорол обшивку их, можно сказать, бумажного кораблика. Вода забурила на дне и, обжигая ноги, хлынула за голенища сапог.

— Всем сидеть! Не вскакивать! Перевернемся! — крикнул командир группы.

Мощными гребками погнали суденышко к отмели, чувствуя, как оно все больше и больше оседает, превращается в подобие подводной лодки...

В заиндевелой шинели Володя стоял перед командиром дивизиона и докладывал о выполнении задания. А через несколько часов, ближе к вечеру, в высушенном у жаркой печки обмундировании шел следом за капитаном Шабаловым в расположенную неподалеку деревню Золотая Балка. Эту деревню в ходе утренних боев красноармейцы заняли не полностью, в некоторых хатах скрывались гитлеровцы: без тщательной рекогносцировки нельзя были начинать артналет.

На окраине, скользя от одного дома к другому, Володя услышал пулеметную стрельбу. "МГ", — определил в уме, и тут же в заспиньи раздался короткий вскрик. Он обернулся и увидел упавшего навзничь комдива. По-пластунски подполз к нему. Расстегнул шинель, видит: по гимнастерке расползается кровавое пятно.

Перевязку Володя провел быстро. Потом затащил капитана в дом. Что дальше? Поставил у окна с взведенным автоматом, но фашисты не показывались. Очевидно, пулеметная очередь была случайной, не стрельбой. Следовательно, их не примечали, и они находятся в относительной безопасности. Однако как быть? Капитан истекает кровью. Тащить его на себе? Назад на НП? Тащить... Но далеко ли утащишь его на мальчишеских плечах? Силенка, что ни говори, не та... "Но когда нет силы в руках-кулаках, — вспомнил вдруг присловье капитана Захарова, — налегай на ноги. Сила в ногах — это тоже большое дело".

Никогда Володя не бежал столь быстро, как в этот раз. Не помня себя, запыхавшийся и мокрый от пота, он ворвался в блиндаж.

— Капитан! Там капитан! Быстрее! Он ранен! За мной! — выпалил скороговоркой мальчишка и повлек за собой разведчиков.

Когда разведчики вернулись с раненым комдивом, их уже дожидался вызванный по радиции капитаном Захаровым санитарный самолет, который и доставил Шабалова в медсанбат. А несколько дней спустя они читали во фронтовой газете указ о награждении Владимира Тарновского орденом Славы III степени. За спасение командира дивизиона и форсирование Днепра.

Указ как указ, один из тысяч, ничем не отличающийся внимания, если не знать, что новоиспеченный орденосица еще пацан пацаном, ему за партией в классе пятом сидеть, а не на рекогносцировке ходить.

Если бы Книга рекордов Гиннесса заглядывала по тем временам за "железный занавес", то непременно зарегистрировала бы Володю Тарновского как самого молодого в Советском Союзе кавалера ордена Славы.

7.

Жаркое солнце слепило глаза. Душный полдень навевал думы о близком отдыхе. Истомленные солдаты возвращались с НП на

батарею. Впереди, тяжело ступая, шел старшина Ханыков, за ним, положив руки на автомат, ефрейтор Тарновский.

Ефрейтор... Володю недавно повысили в звании. Красная ленточка на погоне еще не успела выгореть. И каждый раз, когда он натягивал гимнастерку, будто подмигивала ему. И не беда, что над ним иногда подтрунивали кореша из комендантского взвода, называя "еврейтором". И не беда, что иногда посмеивались: мол, ефрейтор — это недоделанный сержант или переделанный солдат. Званию, что там скрывать, он был рад.

Внезапно устоявшуюся тишину разорвали короткие автоматные очереди. Мгновенно Володя оказался на земле, подполз к старшине Ханыкову. Они осмотрелись. Где-то впереди, в зарослях кукурузы, притаился враг. Но где?

— Подняться не позволит, гад! Это как пить дать! — сказал Ханыков.

— А что, если обойти его? — предложил Володя. — Я ужом проползу, не заметит. А ты отвлекай. Дай ему огонька прикурить.

— Действуй, парень.

Автомат в руках старшины, срезая стебли кукурузы, ударил на звуки выстрелов. Володя ловко втянулся в заросли и, забирая вправо, осторожно пополз. Волосы выбились из-под пилотки, пот жег глаза. Когда перестрелка умолкала, он, затаившись, лежал ничком: догадывался, что в эти недолгие мгновения передышки и фашист прислушивается к тишине. Стоит шелохнуться — пиши пропало. Но повезло, себя не выдал и почти вплотную подобрался к гитлеровцу. Вот он, весь из себя еще живой-живехонький. Короткие, широкие в голенищах сапоги. Мышиного цвета форма. На погонах окантовка. "Унтер-офицер", — мелькнуло в мозгу. Немец лежал на боку, перезаряжал "шмайссер".

И тут Володя, готовый нажать на спусковой крючок, неожиданно для себя самого повелительно выкрикнул:

— Хенде хох! Гитлер капут!

Немец инстинктивно обернулся. Уставился на зрачок автоматного дула, непонимающе, но зло. Перед ним стоял мальчишка, росточком ему по грудь, и это туго доходило до сознания.

— Киндер, — бормотал унтер-офицер, ошарашенно поводя головой. Он потянулся к поясу за гранатой. Но тут набежал старшина Ханыков и увесистым кулаком пояснил фашисту, что дальнейшее сопротивление бесполезно.

— Руки вверх! — сказал старшина, употребив для быстрейшего усвоения его требования несколько непечатных выражений.

Немец не перечил. Поднял руки. А Володя, закинув трофейный "шмайссер" за спину, толкнул его в спину своим ППШ.

— Пошел!

Они вышли на тропинку, по которой до перестрелки пробирались на батарею, и медленно двинулись вперед.

Володя вел пленного, а позади, посмеиваясь, вышагивал старшина Ханыков. Навстречу все чаще попадались русские солдаты. Видя такую забавную картину, и они кособочили рты в ухмылку. Володя не видел себя со стороны. Наверное, поэтому оставался серьезным. "И действительно — что тут такого смешного? — думал он. — Ничего тут для себя смешного не вижу. Да и немцу уже не до смеха, отвоёвывался, холера ему в бок!"

Командование арtdивизиона тоже вполне серьезно расценило поведение Володи Тарновского в бою. Он был представлен к медали "За отвагу".

8.

Эшелон постукивал колесами на стыках рельсов. Победная весна открыла "зеленую" долину на восток. Володя ехал в Москву, в Суворовское училище, с рекомендацией командира полка.

Выглядел он на все сто, как форменный гвардеец.

До зеркального блеска надраил сапоги, приладил на погоны новые, более яркие ефрейторские ленточки, подшил свежий подворотничок.

Володя смотрелся в карманное зеркальце, оценивая свой внешний вид, и, надо полагать, оставался собой доволен. В особенности, когда опускал зеркальце на уровень груди и с некоторой вполне понятной гордостью рассматривал свои награды. Над левым карманом гимнастерки — медали, над правым — ордена. Последний из них — Красной Звезды — получен в боях за Берлин.

...С чердака высокого дома, на дальних подступах к Рейхстагу, бил пулемет. Батарейцы залегли за лафетами, боясь поднять голову. Сзади подходили новые подразделения. На улице образовался затор.

Добровольцы, а с ними Володя, вызвались подавить огневую точку. Короткими перебежками бойцы устремились к парадному подъезду. Из-за косяка входных дверей глухо заговорил "шмайссер". Но брошенная Ханыковым граната заставила его заткнуться. Сгустившаяся темнота не позволяла ориентиро-

ваться в незнакомом здании. Солдаты пробирались почти вслепую. Володя, посверкивая фонариком, вырвался вперед, повел за собой разведчиков. Он поднялся по лестницам. Где-то в стороне ухнул взрыв. И пулемет замолк.

Володя наобум свернул вправо. Попал в просторную комнату. Узкий луч фонаря высветил проем окна. Битое стекло на полу. На стенах — продырявленные пулями картины: пейзажики с пастухами и пастушками. Ти-хо. Никого вроде нет. Но что это? В углу, под кучей матрасов и пуховых перин, почудилось шевеленье.

— Хенде хох! — на всякий случай крикнул Володя. — Нихт шиссен!

На большее его познаний в немецком языке не хватило, и он саданул из ППШ поверх кучи-малы. Штукатурка посыпалась с потолка. Очередь действовала. Речь автомата в переводе не нуждается. Из темной груды выползли двое. Гитлеровцы тяжело дышали, глаза их слезились. От них пахло шнапсом и прогорклым потом.

— Стой! Стрелять буду!

И тут он услышал, как один детина сказал что-то вполголоса другому, и различил знакомое с сорок первого года слово "киндер". Он не увидел, он уловил прыжок.

Автомат плеснул огнем. Фашист рухнул на пол. Но второй очереди не последовало. Кончились патроны.

Цепенеющими пальцами Володя расстегивал кобуру с пистолетом "ТТ".

Однако немец опередил его.

Мальчик был сбит с ног.

Дюжий гитлеровец подмял его под себя, вцепился в горло.

И тут Володя вспомнил: в кармане галифе лежит дамский "вальтер", некогда подаренный ему капитаном Захаровым.

Немец не понял, что произошло, когда ощутил вдруг, что жизнь уходит из него. Вероятно, последнее, что довелось ему услышать, это — один, второй, третий — выстрелы "вальтера".

Володя выполз из-под обвисшего и враз потяжелевшего тела. Приблизился к окну. Перед ним на незначительном для артиллерийского разведчика расстоянии мерцал Рейхстаг.

Вот они и встретились — Володя Тарновский, мальчишка из мало кому известного Славянска, и Рейхстаг, символ тысячелетнего рейха. Но гитлеровское тысячелетие уместилось всего в двенадцать лет — с 1933-го по 1945 год — в те самые двенадцать мальчишеских лет, когда он, Володя Тарновский стал солдатом. Вот об этом он и напишет на Рейхстаге: "Я стал солдатом в двенадцать лет!"

Так он напишет... И подпись поставит... Свою... Солдатскую...

Пусть знают! И пусть помнят — второй такой надписи нет на Рейхстаге!

9.

Офицером Владимиру Тарновскому так и не довелось стать. В Суворовское училище, несмотря на рекомендации командования и боевые награды, его не приняли. Составили на смехотворную причину: отсутствие табеля об окончании начальной школы — четырех классов. Как тут докажешь неуступчивым кадрамикам из приемной комиссии, что на войну уходил без учебников и тетрадок, без дневника и табеля.

Пришлось возвращаться в Славянск, на пепелище, восстанавливать документы.

В Славянске он получил аттестат зрелости. И уехал в Одессу, в город, о котором мечтал с детства. Здесь поступил в институт инженеров водного транспорта, который успешно окончил. И по распределению попал в Ригу, на судоремонтный завод.

Там я с ним и познакомился.

Было это в далеком 1970 году, когда я работал в газете "Латвийский моряк".

Тогда же я написал о нем небольшой очерк — "Было солдату двенадцать", напечатанный в пятом номере ленинградского журнала "Искорка" за 1974 год. Потом ввел его под измененной фамилией Тарновский в мой роман "Приемные дети войны", который в 2012 году был удостоен золотой медали на III Международном конкурсе литературы для подростков имени Сергея Михалкова и был также отмечен фондом "Русский мир".

В 2013 году Владимира Тарновского не стало, он скончался в Риге, где и прожил последние годы.

Со времен Победы во второй мировой войне прошло очень много лет. Но прошлое не стареет, как ни отдаляется от нас во времени. В особенности — прошлое, связанное с Той Войной. И поэтому сегодня я снова вспоминаю историю Володи Тарновского, двенадцатилетнего мальчишки из Славянска, приемного сына войны.

Я не хочу, чтобы мальчишки становились солдатами.

Они рождены для детства.

Помните об этом, пожалуйста...

Влада ГАЛИНА

"Народное признание" чествует лучших из лучших

Одесские редакции газет "Аргументы и факты в Украине", "Комсомольская правда в Украине", "Наш город", а также журналов "Теленеделя" и "Фаворит удачи" в 2001 году учредили и уже в тринадцатый раз подводят итоги рейтинга популярности людей и событий юга Украины — "Народное признание".

Рейтинг основывается на мнении более чем 300-тысячной читательской аудитории независимых изданий — учредителей акции — и является своего рода региональным аналогом всеукраинской акции "Человек года". Из года в год авторитет и масштаб события возрастают. Можно смело сказать, что "Народное признание" признано народом. Председатель оргкомитета рейтинга Петр Галчанский вполне справедливо считает: "У одесситов есть много традиций, помогающих "строить и жить". Уверен, что наше ежегодное "Народное признание" стало одной из них". Не случайно Заслуженная артистка России, наша землячка Нонна Гришаева, получившая в 2012 году памятную статуэтку и звание "Гордость Одессы", сказала, что среди множества ее наград эта — самая ценная, потому что в ней — признание дорогого ее сердцу "одесского народа".

Среди лауреатов "Народного признания" прошлых лет в разных номинациях — известные одесситы: Герои Украины Борис Литвак, Николай Павлюк и Владимир Филипчук; деятели культуры Кира Муратова, Роман Карцев, Лариса Удовиченко, Олег Школьник, Олег Филимонов, Юрий Стоянов, Юрий Кузнецов, Алексей Ботвинов, Хобарт Эрл; игуменья Серафима; политики и государственные служащие Василий Цушко, Сергей Гриневецкий, Геннадий Труханов, Александр Пресман, Светлана Фабрикант, Наталья Чегодарь, Валерий Хмельнюк, Дмитрий Волошенков; дипломаты Борис Музалев и Константин Ржепишевский; руководители предприятий Дмитрий Иоргачев и Александр Лагоша; юристы Сергей Кивалов и Валерий Балух; архитекторы Михаил Повстанюк и Михаил Рева; спортсмены Андрей Воронин и Руслан Катышев; танцор Александр Останин и певец Кирилл Туриченко; ректоры одесских вузов и ведущие педагоги, врачи, общественные деятели, журналисты, рестораторы — словом, "лучшие из лучших" в разных сферах жизнедеятельности Одессы и региона в целом.

Каждый раз также отмечаются важные события минувшего года, достижения предприятий и организаций, учреждений и вузов, творческих коллективов и туристических компаний... Среди победителей рейтинга в номинации "Общественная организация года" был и Всемирный клуб одесситов.

Торжественная церемония чествования лауреатов рейтинга популярности "Народное признание" традиционно проходит с привлечением рейтинговых СМИ, телевидения и радио. Вся церемония награждения транслируется в прямом эфире ряда популярных одесских телеканалов. Лауреаты рейтинга получают памятные дипломы и кубки, а также рассказывают на страницах изданий-учредителей о своих достижениях и планах. Итоги акции освещаются в еженедельниках "Аргументы и факты в Украине", "Комсомольская правда в Украине", "Теленеделя", "Жизнь в Одессе", в журнале "Фаворит удачи". Помимо этого создается фильм о церемонии награждения, который транслируется на популярных одесских телеканалах.

В этом году торжественная церемония награждения лауреатов рейтинга популярности "Народное признание — 2013" пройдет в концерт-холле "Сады Победы" 20 декабря. И, несомненно, снова станет знаковым событием в жизни нашего города и области.

Фото Олега Владимирского.

Нонна Гришаева — "Гордость Одессы".

Кирилл Туриченко — "Певец года".

Константин Ржепишевский и Борис Музалев отмечены за открытие в Одессе Дипломатического клуба.

Памятную статуэтку декану РГФ Лидии Голубенко вручает Герой Украины Владимир Филипчук.

Лауреатом рейтинга в сфере оказания медицинских услуг в 2012 году стала Клиника Святой Екатерины. На снимке — руководители и ведущие хирурги кардиологического медучреждения.

Творческий коллектив во главе с Анной Чернобродской — создатели лучшего спектакля для детей в 2012 году.

Неля Калестру, директор "Аптеки Гаевского", — "Женщина года — 2012".

Слово — лауреату "НП" в номинации "Политик года" Геннадию Труханову.

Лауреаты разных лет и гости (слева направо): мэр Южного Владимира Новацкий, народный депутат Украины Сергей Гриневецкий, депутат Одесского горсовета Дмитрий Спивак.

"Адвоката года" Елену Троянду поздравляет коллега, председатель Совета адвокатов Одесской области, член президентского совета Всемирного клуба одесситов Иосиф Бронз.

Лауреаты рейтинга — организаторы I Международного конкурса вокалистов памяти А.В. Неждановой во главе с ректором Одесской Национальной музыкальной академии Александром Соколом.

Танцует лауреат рейтинга чемпион мира по степу Александр Останин.

Памятную марку, посвященную "Народному признанию — 2012", погасили директор Одесской дирекции ГП "Укрпочта" Владимир Гурков и председатель оргкомитета Петр Галчанский.

Леонид КОСТЮКОВ

ХОРОШО СОГЛАСОВАННЫЙ ДУЭТ

В этой книге "Улица Розье" Игоря Потоцкого и "На тридцатом меридиане" Эллы Леус, выпущенной в библиотеке журнала "Радуга" (Киев), сведены под одной обложкой произведения двух авторов; каждый представлен повестью и несколькими небольшими рассказами. Сразу замечу, что деликатная задача совмещения решена хорошо — и за счет отчетливого ритма книги (повесть — рассказы — повесть — рассказы), и за счет контраста стилевых манер.

Первое, что бросается в глаза при чтении повести Игоря Потоцкого "Улица Розье", — очень архаичное отношение к искусству как таковому. Фигура художника совершенно свободна от иронии, самоиронии, не принижена, не травмирована. Речь идет о собственно художнике (рисовальщике) и поэте, далекой тенью — музыка. Прозе отведена скромная, но важная роль летописца.

Это прямо противоречит установкам постмодернизма, где автор сведен до положения компилятора — и, в конечном счете, вынужден умереть. Именно прямизна и твердость противопоставления придают позиции Игоря Потоцкого актуальность: это традиционализм, но уже нового времени, эпохи разрушения; традиционализм как осознанный выбор писателя. Возможно, сомнение в себе как художнике, но не в самом искусстве. Некоторая очарованность приводит юного автора к первым попыткам — и счастлив тот, кто сохраняет верность этой очарованности.

Собственно, вся "Улица Розье" — попытка установить связь с прошлым, устранить обрывы провода. Фантастическая мечта увидеть бабушку, расстрелянную при Холокосте, причудливо переплетается с мечтой взрослого мужчины о возвращении невинности, первого опыта влюбленности, где телесность почти исключена и измена невозможна. Женские образы в повести немного размыты, акварельны и похожи один на другой. Возникает странная реальность — с подлинными именами и топонимами, с контуром несомненной фактологии, но с добавленной перспективой, как бы отступающей в туман.

В отличие от другой прозы, замешанной на пиве или водке, "Улица Розье" настояна на вине. Повесть очень колоритна —

еврейские тона смешаны здесь с французскими. Абзацы организованы, скорее, как стихотворные периоды; остается впечатление текучести, влажности. И еще — здесь не то чтобы вовсе исключен вымысел, но он четко маркирован как вымысел; то, что в повседневном общении мы обозначаем словами "показалось", "привиделось".

Это не случайно: домисел, вполне приличный для прозаика, для Игоря Потоцкого, лирического поэта, превратился бы в фальшь.

Рассказы Игоря Потоцкого сотканы из другого материала — они легки, прозрачны, устроены очень просто. Автор, что называется, непонятно, где нас ловит. Главный герой большинства рассказов — сам автор в юности. Эта фигура обеспечивает уникальный и очень выгодный угол зрения: с одной стороны, все эмоции и реакции известны автору изнутри, с другой — дистанция времени обеспечивает взгляд со стороны, автор не тождествен герою, и первое лицо превращается в третье. Здесь же возникает и ирония, вполне уместная и хорошо оттеняющая романтическую интонацию повести.

И вот читатель переходит к повести Эллы Леус "На тридцатом меридиане". Здесь явная композиционная удача — после открытой эмоциональности Игоря Потоцкого мы невольно ждем продолжения той же линии во второй половине книги, но стилистика Эллы Леус вовсе не характерна для женской прозы. Здесь мы видим, скорее, сдержанную интонацию, эмоции загнаны внутрь.

"На тридцатом меридиане", на первый взгляд, можно отнести к "чернобыльской прозе", но она чрезвычайно далека от повести-катастрофы. Ее тема — любовь, ревность, соперничество, жадность, верность, наивность. Близкое эхо Чернобыля проявляется в аберрации сюжета, в точных деталях (падающие замертво птицы), в особом, слегка заземленном отношении к смерти.

В фокусе взгляда Эллы Леус — нормальная жизнь, какой она должна быть; повседневность, которую мы среди повседневности не различаем, а в роковые минуты она вырастает до высшей ценности. Страшное отогнано на зрительную периферию.

Согласно завету Данта, всё здесь движется любовью. Элла Леус сумела уловить ту щемящую ситуацию, когда влюбленные вполне понимают обреченность своего романа и почти не пытаются спорить с судьбой. Такой любви сопутствует особая печаль, она была излюбленной темой нашего лучшего кино 70-х — об отпусках и командировках, а в истоках этих фильмов — незабвенная "Дама с собачкой". Элла Леус выверенно касается этих струн, поэтому в ее мелодии есть ностальгические обертоны.

Рассказы Эллы Леус написаны очень свободно и — как бы сказать? — без малейшего насилия в отношении героев. В этих рассказах мало что происходит, точнее, действия носят либо возвратный, либо незавершенный характер. Собака приходит к героине — и уходит; то же происходит с чужим мальчиком. Тот, кто движется к смерти и подведению итогов, не дотягивает в рассказе до этой точки; другой герой стремится к перемене участи — но и ее мы не дожидаемся. Это похоже на чайные пакетики — мы опускаем их в кипяток, трясем и вынимаем, но состав жидкости кардинально не меняется.

Подлинный сюжет рассказа не совпадает с сюжетом излагаемой истории: в подлинном сюжете, скорее, развивается и доходит до некоторой точки некое знание читателя о героях. Внешняя канва событий не так важна.

Если повесть Эллы Леус легка для чтения и очень демократична в самой своей основе, рассказы — сложнее. Они предполагают некоторую ответную открытость читателя, его незащищенность, побуждают задуматься.

В итоге книга двух авторов оставляет впечатление одновременно цельное, но не узкое — чего, как ни странно, редко достигает сборник произведений одного писателя.

Ну, и нельзя не отметить дизайн издания — не шикарный, но очень стильный; умеренно, но всегда уместно использующий иллюстрации. В эпоху, когда электронная книга начинает вытеснять привычную нам бумажную, предметность, вещьности книги становится важнее, чем прежде. Книгу приятно держать в руках, листать. Хотя читать, конечно, еще приятнее.

Москва.

Илья РЕЙДЕРМАН

Из книги "Стихи для взрослых детей"

Долго я не знал, что делать с этими стихами, которые писались как бы независимо от моей воли. Меня смущало, что в них появилась какая-то прямолинейность, даже дидактичность. И вдруг я понял: это стихи для взрослых детей! Они обращены к тому детскому, что, как зёрнышко, в тайной глубине каждой души, пусть даже оно и было брошено в сухую землю и не исполнило всех наших ожиданий...

Я тот, кто есть

Я тот, кто есть.
Но ведь и каждый — есть?
Но сколько в мире тел — а души в нетях!
А чтобы вправду быть — нужна нам честь.
И правда нам нужна. Иначе в детях не отразится ни лицо, ни лик,
и наша мысль заветная — чужда им.
Ты жил? И вот мелькнёт на водной глади блик.
Иль бледной тенью в воздухе истаем.

Мёртв человек. Где его права?
Из человека растёт трава.
Как совместить в парадигме века
права человека — с травой человека?
Смерть неизбежна. Жизнь коротка.
Жить — и со смертью быть в поединке.
Над человеком и над травинкой ветер,
солнце и облака.

Очарование жизни — как пух,
что с одуванчика сдует?
Если печалиться — только не вслух.
Женщина-Жизнь — колдует.
Вот в её сладких объятиях сплю.
Вот я встаю до рассвета.
...Женщина-Жизнь тебе скажет: люблю.
Жизнью заплаатишь за это.

...С письменного взлетев стола
(не нужна им бумага десть),
птицы слов вздымают крыла.
Поднимите глаза — прочесть!
Если жизнь и вправду была
жизнью — что ей давка в толпе!
И безмерность небес мала
распрямяющейся судьбе.

В жизни смысл, как ни странно, есть,
но для тех, кто с книгою — спит,
кто ещё умеет прочесть,
кто меж строчек — в небо глядит.
А не то — пустяки, дела,
болтовня, заботы, еда.
И поглотит экрана мгла
твоё время и жизнь навсегда.

Я вынырнул из глубины глубин.
И был я в тех глубинах не один.
Как много их — так странно мне знакомых —
расположились в снах моих, как дома!
И просыпаюсь я в такую рань,
с испугом вспоминая эти лица,
понять не в силах, где меж нами грань,
не ведая, как провести границу.
Во мне, быть может, множество других,
со мной совсем несхожих, добрых, злых.
И сам, наверно, мог бы быть другим я.
И у него — моё бы было имя!
Я мог бы быть другим. Во мне другой —
мной (усыпив меня) завладевает.
Вот он с экрана мне махнул рукой.
Вот, развалившись в кресле, он зевает.
Красавчик искушающий — с реклам,
подсовывая нам ненужный хлам,
при этом улыбается невинно.
Его лицо — как бы из пластилина!
Всё знают точно, что они умрут,
и всё же — нагло врут, безбожно врут
и с важной миной мелют горы вздора.
Они ведь лишь — наёмные актёры.
И мир мой самобытный — страшно хрупок.
Как самому себе не изменить?
Как совершить свой собственный поступок?
Как не позволить душу подменить?
О, нужно просыпаться спозаранку,
пытаясь вправду жить — не делать вид.
И отыскать живое место, ранку,
где совесть шевелится. Мысль болит.

"Не плакать, не смеяться, но понимать".
Барух Спиноза.

Нет, нужно плакать, чтобы понимать.
Отчаиваться. Душу рвать на части.
Всю тяжесть жизни — честно принимать.
И трудно жить, а не мечтать о счастье.
Покуда смерть над нами не смеётся —
посмейся над собой. Всю боль, всю ложь —
тащи на свет как бы из тьмы колодца.

Пока ты правду ищешь — ты живёшь.
Найдёшь её — как будто бы иглу,
оброненную где-нибудь в углу,
и уловившись, вдруг поймёшь внезапно:
сегодня всё! Сегодня, а не завтра!
Затем дана нам жизни небывалость,
чтоб чудо — вопреки всему — сбывалось.
Так плачь и смейся, напрягая дух,
и понимай, что ум без сердца — глух.

"Старику снились львы".

Э. Хемингуэй.

Мне сегодня снились львы и тигры.
Сила и спокойствие — не гнев.
"Я живу, а не играю в игры", —
так сказал мне очень старый лев.
В нашем мире — словно бы дыра,
некая зияющая полость.
Ну а если всё вокруг — игра,
что на месте подлинности? Подлости!
Средь химер, личин, поддельных рож —
нужен тот, кто на себя похож,
не раскрашен ярко и безвкусно
и не врёт и письменно, и устно.
Словно бы украл какой-то вор
подлинные лица, реки, горы,
есть лишь мир, в котором все — актёры,
а сюжет — хоть скор, но, в общем, вздор.
И живёшь — как смотришь в телеящик.
потеряв давно сюжета нить.
...Лев, что снился мне, — был настоящим.
Он открыл мне тайну: нужно — быть.
Просто — быть. Не больше. И не меньше.
В мире, где всему собой быть — лень,
слово — словом да пребудет, день же —
днём, в котором есть и свет, и тень.
Дерево, листовую шевеля,
точно знает: мать его — земля,
небо же — отец, и не велит
притворяться, лгать и делать вид.
Мир, тобой потерянный, — нашёл?
Нужно всё увидеть, всё потрогать.
...Это ты. И настоящий стол.
Подбородок, и ладонь, и локоть.

"Гуляет полночь, звёзды свившут,
и почта гнётся и скрипит..."

Ефим Ярошевский.

Но если шатается почта —
то, значит, случается вот что:

ни имени на конверте,
ни слову на тощем листке —
вы больше не верьте, не верьте,
всё это — лишь знаки в строке.

О, если шатается почта —
не мачта, — кого обвинять?
В душе, разумеется, ночь-то.
Во тьме — и себя не узнать!
Где вызов бросавшая личность?
Шатающаяся идентичность...
Не с бурей сражаться, не с тучей:
играть, провоцируя Случай.

И нас, как письмо, по ошибке
чёрт знает, куда занесёт.
Махни же хвостом, словно рыбка,
ныряя в ночной самолёт.
Неважно — поедешь ли в Ригу
иль в Рим, иль подальше пошлют,
неважно, напишешь ли книгу,
покажешь ли хитрую фигу:
всё это — бессмысленный труд.
Что есть? Лишь слова на бумаге.
Так переставляй же слова.
Не в царстве ли мёртвых бедняги —
поэты? И муза — вдова?
Край моря? Край мира? Край бреда?
Слова, что почти с того света?
И не рассказать о беде.
О, где мы? Нам кажется: где-то.
А может быть, просто: нигде.

Я был всегда — и лишь сейчас родился.
Хоть где я был — мне ведать не дано.
Мой образ, тот, что матери приснился,
Вселенная замыслила давно.
Я — в веществе молчащем, полусонном,
в космической материи слепой —
предчувствовался. Ибо мир был лоном,
он был и мной, а не одним собой.
Я был всегда. Меня ждала округа,
чтоб я вошёл, как равный, в жизни круг.
И бабочка звала меня, как друга,
в полёт. Я муравьям и травам — друг.
Но как же нужно жить, чтобы не выпасть
из этого начального родства?
Брат-телефон, брат-телевизор? Дикость!
Как немощны бескровные слова...
Ответить ветру, небу, солнцу, дню,
чтоб отзывался жизни каждый атом,
всем существом — любить свою родню
и стать всему, что есть, сестрой иль братом.

Александр ЧАЦКИЙ

Памятник Воронцову в Одессе

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ОТКРЫТИЯ

Дореволюционная Одесса была небогата памятниками. Первый памятник был открыт 22 апреля 1828 года герцогу ("дюку") Арману-Эммануэлю де Ришелье. Его создали выдающийся скульптор И.П. Мартос и архитектор А.И. Мельников.

Прошло еще 35 лет, пока в Одессе появился второй памятник — светлейшему князю Михаилу Семеновичу Воронцову (до револю-

ции в Одессе открыли еще только пять памятников: императору Александру II, генералу Радецкому (на 1-м православном кладбище, разрушен), А.С. Пушкину, Основателям Одессы, "Пушка" (к 50-летию Крымской войны в 1904 г.).

М.С. Воронцов скоропостижно скончался 6 ноября 1856 года, проездом оказавшись в Одессе. За заслуги перед Одессой его похоронили в Спасо-Преображенском соборе на Соборной площади. Перед погребением (10 ноября 1856 г.) архиепископ сказал слово "о процветании и об усилении значимости Одессы в годы губернаторства Воронцова: "Взращенная, как дитя, она поднялась над прочими городами и стала воистину южной столицей России".

Идею памятника подал вице-президент Императорского общества сельского хозяйства (учрежденного М.С. Воронцовым) граф И.Д. Толстой. Были посланы документы императору Александру II "об испрошении Высочайшего соизволения" для устройства в Одессе памятника князю "за его гражданскую доблесть и мужество".

Разрешение было получено, и начался сбор средств по всей империи. Специальная ведомость тщательно фиксировала имена жертвователей. Отдельно выделены суммы, поступившие от императорской фамилии (3 тыс. рублей серебром), духовного, морского и военного ведомств, различных заводов, промыслов, калмыцких сотен, башкир, негоциантов Константинополя, жителей Дрездена. Пожертвования были собраны из 56 губерний России.

Обратились к известному мюнхенскому скульптору Фридриху Бруггеру (1815 — 1870), ученику великого Торвальдсена.

Ранее для торжественного зала дворца короля Людвига I Ф. Бруггер создал бюсты, а для Мюнхенской галереи — бронзовые фигуры скульпторов Донателло, Челлини, Фигиера, Гибсона и Шванталлера, установленные в нишах наружной стены.

В качестве наиболее достоверного изображения М.С. Воронцова Ф. Бруггер использовал портрет работы Франца Крюгера, любимого портретиста императора Николая I, по инициативе которого тот был написан.

В собрании Одесского музея Западного и Восточного искусства хранится гипсовая модель (h 60 см) статуи М.С. Воронцова, предварительно изготовленная Ф. Бруггером.

Осенью 1863 г. Ф. Бруггер закончил работу над большой (вдвое больше натуральной величины) статуей М.С. Воронцова. Отлили ее в Мюнхене.

Далее за дело принялся одесский архитектор Франс Боффо. "Построение пьедестала вызвало большие трудности. Камни искали в Крыму твердокаменной и южнобережной

породы. Дешевле 20 тыс. рублей серебром никто не хотел за это взяться. Активное участие принял купец 1-й гильдии П.А. Телятников. Первые камни потонули в море, несмотря на все меры предосторожности. Потеря камней обошлась в 7 тыс. рублей серебром. Камни обрабатывали по пути. Всех камней было 11. Из них 8 назначены для цоколя, один для базы, один для средней части, на которой будут барельефы, и один для карниза. Самый меньший камень весил более 200 пудов.

На морском берегу [крымском] ожидало новое происшествие: обрыв был в 4 сажени, в виде стены, за этим отмель — препятствие судну около берега. Построили мост в 20 сажень длиной. Ожидали штиля. 30 дней судно стояло у берега. И, наконец, 3 дня штиля, и пароходом "Александр", тянущим баржи, доставили камни в Одесскую гавань".

Открытие памятника состоялось в пятницу, 20 (8) ноября 1863 года, в день Святого Михаила. "Купеческое общество решило ознаменовать этот день особенным благотворительным подвигом, и в собрании определили пожертвование по 10 р. с купцов 1-й гильдии, по 5 р. с купцов 2-й гильдии, по 30 коп. с мещан, для учреждения на вечные времена одной стипендии в Новороссийском университете, четырех вакансий воспитанников в здешнем коммерческом училище, одной кровати в общине сестер милосердия и такой же кровати в еврейской больнице.

При установке памятника была расширена Соборная площадь и уничтожена одна перекрестная аллея, отчего много выигрывает самый вид памятника.

Открытие памятника предвляло шествие из Собора на площадь к памятнику".

На Соборной площади было до 20 тыс. народа. "Все окружающие улицы, все окна, балконы и крыши домов пестрели народом. Прямо против Собора устроен был временный помост для зрителей. Около 12 ч. дня, после торжественной литургии в Соборе, процессия двинулась от Собора".

Когда покрывало упало, зрители увидели, что на высоком массивном четырехугольном пьедестале из темно-зеленого крымского диорита, хорошо отполированного и украшенного надписями и барельефами, стоит бронзовая фигура князя во весь рост, с непокрытой головой, в мантии, с фельдмаршалским жезлом в руке, обращенная к старейшей улице города — Дерибасовской.

На лицевой стороне пьедестала написано: "Светлейшему князю Михаилу Семеновичу Воронцову благодарные соотечественники 1863 г.".

Сзади на пьедестале — барельеф, посвященный сельскому хозяйству и торговле, которым покровительствовал М.С. Воронцов. Здесь отражен момент награждения Воронцовым земледельцев Новороссийского края. М.С. изображен раздающим обеими руками венки группе торговцев. Под барельефом надпись:

"Генерал-губернатору Новороссийского края и Бессарабской области 1823 — 1854 гг.".

На боковых сторонах пьедестала помещены барельефы. "Битва при Краоне 1814 г.", где в центре изображено противостояние Наполеона и Воронцова, который стремится удержать натиск врага. На втором барельефе представлено "Взятие Варны 1828 г.", эпизод сдачи ключей города. Вокруг памятника — чугунные тумбы с гербом князя, соединенные цепями. Тут же масса зелени, в которой утопает памятник.

В советское время жизнь памятника не была легкой: сначала сбили надпись "Светлейшему...", и долго памятник был безымянным. Сбили также гербы с тумб.

"Перед взрывом [Собора в 1934 г.] останки М.С. Воронцова были извлечены из саркофага рабочими в присутствии милиционера. Они вскрыли вынутые из саркофага гробы [М.С. и Е.К.], как мародеры, стали растаскивать содержимое — саблю М.С. и его ордена; украшения, которые были на останках Елизаветы Ксаверьевны. Отрезали куски от шитого золотом одеяния на останках М.С., в результате остались лишь скелеты. Наутро на грузовике они были перевезены и сброшены в ров у стены кладбища на окраине Одессы — Красной Слободки. Позже благодаря заботам простых верующих людей останки были кое-как захоронены на территории кладбища, неподалеку от стены, тянущейся к Кривой Балке.

Тогда же одесское начальство пыталось снести и памятник Воронцову: к нему подогнали трактор, обхватили его стальным тросом и запустили мотор. Но памятник не поддавался, другого, более мощного трактора не нашлось, и постыдная затея на этом закончилась".

В первое послевоенное время на памятнике написали известную эпиграмму А.С. Пушкина на М.С. Воронцова. Потом ее сняли, и спустя долгое время появилась фамилия: "Воронцов". И, наконец, сейчас восстановили первоначальную надпись, а 10 ноября 2005 г. в возрожденном Спасо-Преображенском соборе состоялось перезахоронение праха М.С. и Е.К. Воронцовых.

Феномен Павла Цаудера

От нас ушел Павел Цаудер. Это имя хорошо знакомо всем по многочисленным публикациям. Всё, о чём он писал, было строго аргументировано, основано на исследованиях и архивных данных. Круг его интересов был обширен. Его энергия, любознательность, жажда к познанию, доброта и любовь к людям, его восторженное восприятие мира — всем этим он щедро делился.

Павел Цаудер родился 28 февраля 1920 г. До последнего дня он сохранял ясный ум, необычайную работоспособность, жажду знаний и любовь к своей очаровательной супруге Александре, которую ласково называл Шу-рочкой. Конечно, не всем удаётся прожить 93 года. Учёные должны исследовать феномен Павла и раскрыть его секрет. Но не напрягайтесь, господа, секрет довольно прост: с ранних лет Павлик любил бегать, ловить бычков в Чёрном море, совершать дальние походы со своими сверстниками до Ланжерона, Б. Фонтана и Люстдорфа. Пешком и на велосипедах с друзьями добираться до Малой Аккаржи и Дальника, печь картошку в Кривой Балке и Усатово, купаться в солёных водах Куяльника и Хаджибея.

В этих походах и зародилась у юного Павлика страсть к путешествиям и познанию природы. С детства влюблённый в Одессу, он со своим другом Лесиком Литвицким занялся изуче-

нием ее истории. Они обошли все музеи, изучали доступные архивные документы и читали.

Он защитил диплом на геодезическом факультете Одесского строительного института только после демобилизации в 1945 г. Геодезические и геологические изыскания, которыми руководил начальник экспедиции Павел Цаудер, велись почти во всех регионах СССР. Он бродил по тайге в Иркутской обл., ловил омуля и пил прозрачную байкальскую воду. В Коми АССР стоял, как замороженный, перед 400-летним деревянным срубом на реке Вымь. Обошёл все кавказские республики, Западную Украину и Прибалтику.

Цаудер наблюдал, изучал, восторгался, наслаждался всем увиденным и жаждал поделиться своими впечатлениями. Много писал. Он был талантливым коллекционером, оставил три уникальные тематические филателистские коллекции: "Одессика", "Арктика", "Космос". Переписывался со многими известными писателями. Это дало возможность стать обладателем нескольких коллекций с автографами знаменитых людей. Он был близко знаком с академиком Филатовым и легендарным певцом А. Вертинским, который очень уважительно относился к Павлу. В течение 30 лет дружил и переписывался со своими знаменитыми друзьями Эрнстом Кренкелем, Николаем Урванцевым, открыв-

шим богатейшие залежи железной руды в районе Норильска, и знаменитым полярником-радиом Борисом Кремером.

Последние 20 лет он жил в Сан-Франциско со своей любимой Шуручкой, детьми и внуками. Он неустанно трудился. Выпустил четыре книги: к 200-летию Одессы, к 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина и две книжки воспоминаний о встречах и переписке со зна-

менитыми деятелями науки и культуры. На стене его квартиры висят портреты известных людей с их дарственными надписями: астронавт Джон Гленн, Рональд и Нэнси Рейганы, Джордж и Барбара Буши, Павел Иоанн II, люди искусства — О. Фельцман, Р. Паулс.

Однажды я спросил у Павла, как ему удалось раздобыть такие автографы.

— Я пишу письма, представляюсь, и они, как правило, присылают ответы. Сложность была с Папой Римским. Но тут я пошёл на маленькую хитрость. Я досконально изучил его биографию и в своём письме описал все церковные приходы, где он служил. Вопреки мнению пессимистов, получил от него цветной портрет с дарственной надписью.

Есть в Одессе, на ул. Гоголя, знаменитый Дом с атлантами, который был построен семейством Фальц-Фейн. Наследник, барон Фальц-Фейн, живет в столице Лихтенштейна. Семья была основательницей заповедника "Аскания-Нова". Несколько лет назад барон Фальц-Фейн приглашал Павла и Александру погостить на его вилле с таким же названием — "Аскания-Нова". А вот ещё один автограф: "На плохом русском языке желаю вам всего хорошего". И подпись: внучка Шолом-Алейхема Бел Кауфман.

Таким людям, как Павел Цаудер, не хочется говорить: "Прощай!" Он жил и творил для нас и навсегда останется в наших сердцах.

Михаил Маргулис,
Сан-Франциско.

Редактор Евгений ГОЛУБОВСКИЙ.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за точность сообщаемых фактов несут авторы. Взгляды редакции не всегда совпадают с точкой зрения авторов.

Дизайн и компьютерная верстка: компьютерный центр ТИА "Вікна-Одеса" (тел. +38 067 48 03 705).

Регистрационное свидетельство N 508. Тираж 1000. Заказ N _____. Газета отпечатана в ИПП "Печатный дом".

Адрес редакции: 65014, Одесса, ул. Маразлиевская, 7. Тел. 725-45-67, 725-53-68. www.odessitclub.org.